

ЛИДИЯ ПОПКОВА

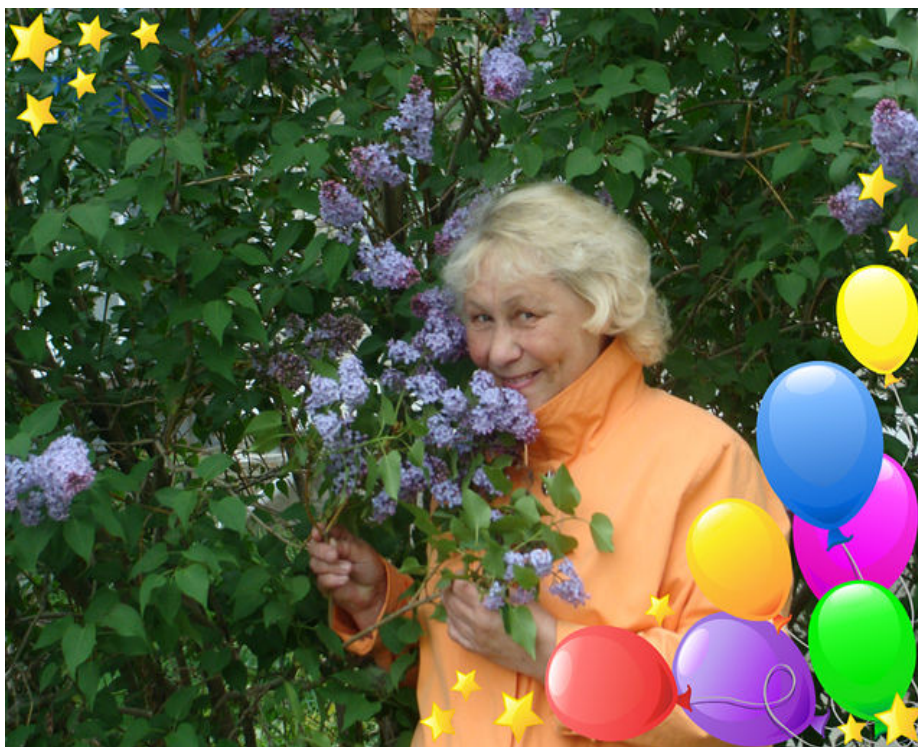
СИРЕНЬ ЦВЕТЁТ В МАЕ

(роман)

2020 год

р.п. Каргаполье

Попкова Лидия Николаевна

С августа 2011 года член Российского союза профессиональных литераторов.

- Ну что я завтра жду тебя в 8 – 30. Сразу после планёрки заходи. Обсудим все вопросы. В телефонной трубке раздались гудки. Директор завода Алексей Мохов положил трубку. Людмила Завьялова, корреспондент районной газеты «Светлогорский вестник», достала из стола чистый лист бумаги, взяла линейку и ручку. Надо было нарисовать макет будущей полосы, посвящённой работникам машиностроительного завода, куда завтра ей предстояло отправиться.

Она отлично знала предприятие с первого дня его открытия, когда в двух небольших производственных цехах начиналась его история. Стояло начало зимы, и в помещении было как-то неуютно, прохладно, пахло металлом и машинным маслом. Несколько токарных станков являлись основным оборудованием. Коллектив состоял из десятка профессионалов – мужчин средних лет, приглашённых на новое предприятие с «Ремтехпредприятия», где они ранее трудились.

Церемония открытия длилась недолго. Глава района Сергей Малинин сказал напутственную речь, поздравил коллектив с открытием завода, пожелал стабильной работы. Директор Алексей Мохов заверил, что открываемый завод станет ведущим предприятием района и со временем выйдет на проектную мощность, уверенно пойдёт вперёд.

Честно говоря, тогда Людмила, присутствующая тогда на этом торжестве, как сотрудник районки, как – то не очень поверила в перспективы будущего завода. Обойдя небольшой цех, пообщавшись с рабочими и сделав несколько фотоснимков, удалилась в редакцию. В следующем номере на первой полосе вышла её небольшая заметка под рубрикой «Событие», где рассказывалось об открытии завода.

С той поры предприятие стало «объектом», куда её направляли в творческую командировку, когда надо было осветить его работу, подготовить материал, приуроченный к дате открытия или к профессиональному празднику. На заводе её знали в лицо. И она хорошо была знакома с руководителями цехов, сотрудниками бухгалтерии, специалистами, рабочими.

Директора «машиностроительного» Алексея Мохова знала с комсомольских времён: вместе работали в райкоме комсомола. Был Алексей заводилой интересных дел, организатором молодёжных мероприятий и праздников. Из него так и била неиссякаемая энергия. Он вечно что – то придумывал, заводил секретарей первичек на какие – то фантастические подвижничества. И что удивительно – всё запланированное ими, осуществлялось!

Алексею пророчили стать во главе районной комсомолки, но в один прекрасный день молодёжной организации не стало. Комсомол ушёл в историю.

Алексей не затерялся в суете и суматохе перестроечного времени. Он по – прежнему оставался на «волне». В своё время возродил к функционированию развалившуюся «Сельхозтехнику», объединил вокруг предприятия оставшиеся существовать колхозы и совхозы, а вернее принявшие новые формы хозяйствования сельхозпредприятия, наладил ремонт техники.

Когда районное руководство предложило возглавить вновь создаваемый завод – дочернее предприятие одного из крупных в области машиностроительных объединений, загорелся желанием сделать его крупным градообразующим предприятием. У него всё получилось! Уже десять лет Светлогорский машиностроительный завод в числе передовых предприятий района. Он ежегодно увеличивает объёмы производства. Его продукция – запорная арматура для нефтегазовой промышленности – пользуется спросом не только в регионе, но и далеко за его пределами, в республиках ближнего зарубежья и даже в других странах. Предприятие значительно расширило производственные площади, появились новые цеха, современное оборудование, в десятки раз вырос коллектив. С желанием идёт сюда трудиться молодёжь. Одним словом, цель, когда – то поставленная Алексеем, стала достигнутой реальностью.

Людмиле предстояло подготовить расширенный материал о достигнутых успехах, о людях предприятия.

Мобильный телефон, лежащий на тумбочке, призывно пиликнул, известив о том, что «батарея заряжена». Людмила автоматически отсоединила его от сети и посмотрела время на дисплее. Часы показывали 6 – 30. Наскоро сделав небольшой макияж, она прошла на кухню, привычно приготовила себе бутерброд и налила чашку кофе.

Домочадцы ещё сладко спали. Черкнув короткую записку «Обед в холодильнике», она вышла из дома. Утренняя свежесть приятно обдала лицо. День обещал быть тёплым, солнечным. На траве блестели капли ночного дождика, освежённая зелень клёнов радовала глаза. В лужице на асфальте бойко плескались шумные воробьи. Людмила быстрым шагом направилась в сторону завода. Ей хотелось пройти путь пешком, наслаждаясь утренней бодростью и прелестью природы. В мыслях она выстраивала ход предстоящей беседы.

На проходной её встретил знакомый дежурный – среднего роста, кареглазый, улыбчивый мужчина, ранее работавший в цехе, но теперь по состоянию здоровья определённый на данный пост.

Опять Вы в гости к нам, - доброжелательно поприветствовал он корреспондента, - рад видеть Вас в добром здравии.

Людмила ответила взаимным приветствием и искренней улыбкой.

Многие из идущих на работу специалистов здоровались с ней, как с хорошей знакомой. Она, в свою очередь, отвечала им. Некоторых даже знала по имени – отчеству.

Заводская территория была ухоженной: клумбы с цветами, уютные беседки, аккуратно подстриженные кустарники и красиво оформленные деревья – всё свидетельствовало о том, что коллектив любит своё предприятие и заботится о чистоте, красоте и уюте его. Не случайно завод считается в Светлогорске одним из самых красивых, благоустроенных предприятий, занимает по оформлению призовые места в ежегодных конкурсах.

Перед входом в административное здание красовалась внушительных размеров «Доска Почёта», где в рамках размещались большие фотографии передовиков производства. Среди них были ветераны и совсем молодые ребята. Со многими Людмиле доводилось встречаться, брать у них интервью, делать очерки. Она видела их в работе. С кем – то, возможно, будет беседовать и сегодня.

Светлогорск она любила какой – то патриотической любовью. Это была не просто малая родина. С этим уютным посёлком связывали её долгие годы всей жизни. На глазах он рос, строился и преображался. Бывшие окраины превратились в обустроенные кварталы. Новые дома и административные здания, магазины, тенистые парки, широкие улицы и палисадники в красивых ярких цветах, искристый фонтан на главной площади – делали посёлок удивительно притягательным и уютным.

А она вспоминала его тем милым причалом своего детства и юности, когда на пыльных улочках не было асфальта, когда школа располагалась почти на самой окраине, оттого и звалась «степнушкой», когда за стадионом ещё лежал пустырь...

Это теперь Светлогорск – посёлок городского типа. В годы детства он ещё был селом, хотя и районным центром.

Их семья жила по другую сторону реки Светлой, в одной из тех деревень, что расположились по всему правому берегу. Деревни чаще всего носили названия, вероятно, данные первыми поселенцами с далёкой архангельщины: Ожоговка, Антоновка, Климовка, Лобовка и подобные. Они, зареченские ребяташки, ходили в Светлогорскую

школу с того берега через большой деревянный мост. Он был красив и прочен, с высокими перилами и внушительными сваями – ледаколами с обеих сторон. На мосту вечерами собиралась молодёжь, это было место излюбленных свиданий влюблённых. По весне, в пору ледохода, на мосту было особенно многолюдно: смотрели, как Светлая несла огромные льдины и шумела, вздымаясь волнами, а вдали взрывали лёд, чтобы разбить его и освободить реку от сковавшего её зимнего плена. Потом, в половодье, река заливала большой луг между селом и деревнями. Летом же заливной луг покрывался зеленью сочной травы и служил для выпаса многочисленных деревенских и колхозных стад.

Людмила всегда с грустью и одновременно с радостным чувством вспоминала времена своего детства.

Утро только начиналось. Алая лента зари и первые лучи солнца предвещали жаркий день. Во дворе весело звенели о подвойник струйки молока: мать доила корову Марту. А куры уже копошились на зелёной дворовой лужайке, разгребая заметённые с вечера в кучку остатки вчерашней травы, брошенной на «ужин» Марте.

- Поднимайся, дочка! – бросил, выходя в сени, Степан Петрович, - На рыбалку пора!

Он вышел на крыльцо, потянулся так, что косточки хрустнули, и легко пробежал к деревянной бочке с водой. Весело обдал лицо и грудь из пригоршней, и также бодро поспешил к сараю – дровянику, где с вечера стояла железная банка с дождевыми червями и лежали на полке две удочки. Людка побежала за отцом в предвкушении похода на берег реки, где они обычно рыбачили. Её босые ноги радовались соприкосновению с прохладной и мягкой травой.

Отец с улыбкой вышел из сарая и протянул Людке небольшую знакомую чашку:

- На – ко, Людок, наложи каши, что вчера сварили на приманку.

На берегу было тихо. Слышалось даже лёгкое течение воды и жужжание комаров в прибрежном ивняке. Людка привычными движениями разбрасывала в воду горстями кашу, чтобы приманить ближе к берегу доверчивых карасей. Отец готовил удочки, доставал из банки червей. Людка уже умела нацеплять на крючок наживку. «Дочь рыбака!»- шутливо называл её отец.

Только испытавший может знать ту радость, которая охватывает, когда поплавок на удочке начинает нырять вниз – вверх! Теперь главное – быстро, не дёргая резко, суметь поднять удилице, чтобы с крючка не сорвалась поблёскивающая чешуёй добыча, выбросить её на берег и, сняв с крючка, положить рыбку в ведёрко!

Время, проведённое на рыбалке, было для Людки сказочным.

Не меньше удовольствия доставляли девчонке поездки в лес, которые Степан Петрович называл тихой охотой. После рабочего дня, он усаживал дочь впереди себя на велосипед и они, укрепив на багажнике две корзинки, отправлялись за грибами. В лесу эти дары, чаще всего грузди, казалось сами бегут к отцу. Он лишь бережно разрывал бугорки и осторожно срезал белые коротконогие, ядрёные груздочки в комочках рыхлой земли. Людка тоже с радостью наполняла свою корзинку, в которой дружно умещались розовые, синенькие, фиолетовые сыроежки, а порой толстенькие, будто медвежата подберёзовики.

Мать, Татьяна Семёновна, уже встречала их на крыльце. Улыбалась.

- Добытки наши прибыли, - ласково говорила она, принимая корзинки. Потом, устроившись всей семьёй на полянке, они дружно перебирали грибы, сортируя их на посолку, на пельмени, на пирожки...

Одно в детстве не любила Людка – полоть грядки на огороде. А это было необходимо и входило в обязанности ребяташек. Уж слишком однообразно и утомительно было в жаркий день дёргать из грядок сорняки, которые по – хозяйски располагались между рядками морковки, свёклы, в капусте и вообще засоряли нужные

культуры. Людка, как ни старалась, но обязательно выдёргивала с сорняками и их тонкие росточки.

- Людка, ты смотри чо дёргаешь! А то от тебя только вред, да пакось! – наставительно ворчала на неё старшая сестра Шура.- Вот скажу мамке, что специально морковку выдираешь, она тебе задаст!

- Да не специально я, она сама прицепилась, - оправдывалась Людка. – Будешь ругаться, я вообще уйду, и будешь одна свою краснокорёнку дёргать.

Краснокорённой и лебедой мать называла все сорняки.

С большой радостью, будто освобождаясь от изнурительной процедуры прополки, Людка бежала с огорода во двор, когда мать, достав из пригона большой мешок, кричала дочерям:

- Девки, айда в лесок за травой!

Этот поход был ежедневным всё лето. Надо было принести Марте к вечеру мешок свежей травы, чтобы вернувшись с пастбища, дать ей в кормушку ароматной зелени, которую та будет уплетать во время дойки. Потом угостят её холодной колодезной водой, и она довольная уляжется в пригоне, прикроет глаза и будет жевать свою жвачку. Мама же процедит тёплое парное молоко, нальёт Людке с Шуркой по большому алюминиевому бокалу, чтоб пили они этот целительный напиток от души. Белая пена сладко осядет на губах. Какое это было удовольствие – пить парное молоко, пахнущее солнцем, луговыми травами и беззаботным детством...

Время близилось к обеду. Как всегда летело оно быстро. Людмила почти закончила репортаж с машиностроительного. Оставалось только ещё раз сверить цифры, уточнить фамилии и сдать готовый материал. Завтра газетный день, сверенные и прочитанные корректором материалы до 15 часов должны быть подписаны редактором и отправлены в печать.

Людмила набрала номер телефона директора завода.

- Алексей, привет! Я сделала репортаж. Посмотришь? Я через часик подскочу...

- Я сам к тебе подъеду, - ответил собеседник с того конца провода. - После обеда наведуясь в районную администрацию, а попутно в редакцию заскочу. Ты на месте будешь?

- Да. Буду ждать.

Материал Алексею понравился. Цифры и факты были точными. Никаких поправок он не сделал.

- Молодец, Людмила! Как ты умеешь передать обстановку, мысли выразить. И словами так передать, что читаешь и будто рядом с тобой стоишь и живую картину видишь, человека представляешь. Даже как будто запах цеха чувствуешь! Здорово! Спасибо тебе!

- Ну ты уж прям захвалил меня, - смущённо парировала она. – ничего особенного. Просто написала так, как почувствовала... Кстати, ваш фрезеровщик – Максим Тарасов – мне тоже урок преподавал. Беседуем с ним, а он слово «оснастка» употребляет в разговоре. Я же, к стыду своему, не знаю его значения. Думаю, инструмент какой –то. Спрашиваю у него: «А что такое «оснастка»?». Он мне отвечает: «Ну, это вроде то, что в работе помогает. Вот у Вас, например, есть диктофон, фотоаппарат. Это Ваша оснастка. Она Вам в работе помогает». Так что, я теперь свою оснастку знаю.

Они засмеялись. Прощаясь, Алексей поднял вверх большой палец и весело сказал:

- Так держать, Людочка!

- И тебе, Лёша, удачи!

На следующий день репортаж с хорошими фотографиями успешно ушёл в печать. А в номере красовался под заголовком «Судьба завода – наша судьба».

В один из последних дней уходящего лета Степан Петрович пришёл домой раньше. Присев на крыльчке, позвал жену.

- Слушай, Танюша, меня вот тут на новую работу направляют. Начальником лесопилки в 25 – й квартал. Там уже всё готово: полностью установлено оборудование, сформирован штат, построено жильё – бараки для рабочих, столовая. Всё готово к работе. Придётся вам с девчонками без меня управляться...

- И ты уже согласие дал? – всполошилась Татьяна. – Выходит, оставляешь нас. Надолго?

- Пока на годик. А там видно будет. наладим производство и обратно вернусь. Не мог я не согласиться. Ведь я же коммунист. К тому же фронтовик. Да и опыт руководящей работы имею.

Он помолчал. Приобняв жену, добавил:

- Справимся. Тяжеловато тебе будет с хозяйством, с ребятишками. Но ты, же у меня сильная, выдюжишь. Да и я не за тридевять земель еду. Раз в месяц, а то, глядишь, и почаще, навещать буду. Картошку осенью выкопаем, дрова заготовлены, сена скотине на зиму хватит. Всё справлено. Думаю, нормально всё сложится. Люду, как немного утрясутся первые проблемы обустройства, к себе возьму. Будем с ней жить в лесной избушке. Ей понравится. Пусть этот год, пока в школу не пошла, поживёт.

- Да как же, Стёпа? Ведь ей и постирать надо, и покормить. К тому же, ребёнку пригляд нужен.

- Нормально будет. Там банька будет. смогу и себе, и ей постирать. Питание в столовой наладят. Что-то смогу и сам приготовить. По субботам рабочих будут на машине домой возить. Захочешь, можешь с ними что – то передать.

На том и порешили. Осенью Людка уехала с отцом на лесопилку. Место было просто сказочным. Посреди леса на огромной вырубке возник небольшой рабочий посёлок: два длинных барака – мужской и женский, маленькая банька, уютная столовая и что – то навроде клуба или избы – читальни, где можно было отдохнуть, почитать журналы, газеты, поиграть в шашки, шахматы, домино.

В противоположной стороне стояли две маленькие избушки для руководителей. Одна из них предназначалась начальнику лесопилки, то есть Степану, другая – руководителю производства Михаилу Ивановичу Колосову.

В избушке, где поселились Степан с Людкой, имелись деревянный топчан, небольшой стол и лавка, аккуратно смастерённые из гладко выструганных досок. В углу приютилась печь – каминка с небольшой чугунной плитой. Выбрав местечко, отец попросил ребят – рабочих сколотить маленький топчанчик. Так у Людки появилась своя кровать. Перед входом в избушку соорудили из горбыля маленькие сенцы, чтобы было куда дровишки складывать, да зимой вход в избушку не заметало.

Сразу за жильём имелся неглубокий пруд, на берегу которого установлена бочка на телеге, а рядом – насос для накачивания воды. Такое нехитрое оборудование на случай пожара. Чуть поодаль выстроена добротная конюшня, где в стойлах жили две лошади Карька и Мотька.

Сама производственная зона располагалась метрах в 500 – х от всех построек. Имелось всё необходимое оборудование для обработки леса, его распиловки, складирования, погрузки и прочих производственных нужд. Рабочие – лесорубы работали в делянах уже глубоко в лесу. Там пилили – рубили деревья, чистили от сучьев и хлыстов, трелевали тракторами в производственную зону.

Людке нравилось на новом месте жительства. Целыми днями играла она на вольном воздухе, собирала осенние букеты из листьев, посыпала опилками дорожки, наблюдала как в верхушках сосен скачут белки, как долбит на дереве дятел, а высоко в небе кричат улетающие на юг журавли, утки, гуси...

В середине каждой недели на лесопилку приезжали мощные машины – лесовозы. На них грузили тёс, очищенные и обработанные брёвна, которые куда – то увозили для строительства. Людка знала всех приезжающих шоферов. Они привозили ей гостинцы, подарки, шутили, называли лесной феечкой.

Особенно среди них Людка выделяла одного – молодого, высокого, улыбчивого парня, которого все почему – то звали «Шляпа». Должно быть потому, что всегда красовалась на нём широкополая чёрная шляпа. Он снимал её, кланялся Людке и, картинно выкинув из – за спины руки, угощал чем – то вкусненьким: пряниками, печеньем, конфетами. Однажды даже привёз ей целую картонную коробку карамелек – подушечек «дунькина радость», запашистых, с начинкой – повидлом. Людка сидела на полу в избушке и уплетала их горстями прямо из коробки, пока её не стошнило. А Шляпа заливисто хохотал над Людкиной бедой, потом убрал коробку с пола и, уезжая, посоветовал девчужке отдать те конфеты Зайке с зайчатами. Что она и сделала, выставив коробку на крылечко столовой, где повариха тётя Зина обещала передать подарок, как только Зайка приведёт свою семью на ужин. С тех пор Людка много лет не могла смотреть на карамельки – подушечки.

Зимой, когда вокруг засыпало снегом, Людка вместе с рабочими весело помогала очищать территорию от намётов. Она с удовольствием орудовала небольшой лопатой – пехлом, прогребая дорожку к своей избушке. Лопату ей сделали маленькую, лёгкую и удобную парни – рабочие. Вечерами они с отцом топили печку, а потом пекли вкусные печёнки, побросав картофелины в горячие угли.

Постепенно зима отступала. Мартовские дни принесли первую оттепель. Как-то поздним вечером за окном избушки послышался нудный протяжный вой. Отец выглянул за занавеску и как – то насторожился.

- Волки, - тревожно произнёс он. – Голодное время для них пришло, к жилью потянулись.

Людка тоже бросилась к тёмному окошку. Чуть поодаль, посреди поляны, она увидела тёмные силуэты, похожие на больших собак. В темноте страшно светились их глаза. Они походили на яркие фонарики. Звери сидели в ряд и смотрели на их избушку.

Отец спешно метнулся к топчану, нагнулся и достал из – под него ружьё и патроны. Надо было быстро принимать меры. Но пока он заряжал оружие, от рабочего барака прогремел выстрел, видно кто- то из рабочих быстрее среагировал на опасность. Тёмные фигуры со светящимися глазами метнулись в сторону леса и вскоре исчезли в чаще. С той ночи в посёлке организовали дежурство, что позволяло своевременно отпугнуть хищников. Особое внимание уделяли конюшне, где держали лошадей.

Летом лес стал настоящей волшебной страной. Людка собирала цветы. На лесных вырубках лакомилась вкусной душистой земляникой, с радостью слушала щебетание птиц. Ей ничуть не хотелось в деревню. В лесу такое раздолье, благодать, красота!

Иногда из соседнего барака приходила к ним в избушку тётя Света – полненькая, светлоглазая девушка с красиво уложенной на голове русской косой. Она приносила продукты и варила вкусный суп или жаркое, и они все вместе усаживались за стол ужинать. Тётя Света шутила, смеялась и отец тоже становился весёлым. Потом она убирала со стола, мыла посуду. Иногда наливала в большой таз воду и стирала Людкины вещички, отцовы носки. Потом собиралась домой, а он уходил проводить её. Проводы, бывало, длились долго и Людка начинала бояться одна. Визиты тётя Светы становились всё чаще, а проводы всё дольше.

Однажды на лесопилку неожиданно приехала Татьяна Семёновна. Она подгадала к машине, что шла в субботу в квартал за рабочими.

Людка несказанно обрадовалась визиту матери, повисла на ней, целовала щёки, крепко обнимала за шею. Ей совсем недосуг было обращать внимание на то, как холодно вато встретились родители.

- Что пригнала, Татьяна? – хмуро спросил Степан. – Али дома дел нету? Я на той неделе и сам собирался ехать. Картошки привезть надо. Сметанки с творожком не мешало бы...

Она посмотрела на него как – то особенно внимательно и сказала:

- Приехала вот. И картошки привезла, и сметанки с творожком. Да не это причина. Дошла до меня молва, Степан, что неправильно ты тут ведёшь себя. И ребёнок видит это. Не дело... Заберу дочку и уедем завтра. А ты как знаешь. Обидно только, что семью на бабу променял.

- Замолчи! – вспылил Степан. – Вишь с разборками тут приехала. Не твоё дело как живу.

Он резко встал и хлопнув дверью вышел. Куда ушёл? Не было его долго. Татьяна собирала в сумку Людкины вещи и плакала.

Вернулся Степан злой и пьяный.

- Что собралась? Давай вали! Нечего мне разборки учинять!

- Охлынь, Степан! Ребёнка не пугай. Уедем мы завтра. Не жена я тебе боле. Изменил ты мне. Да ещё и глаза налил. Бессовестный!

- Ах, ты, стерва! И чего притащилась? – закричал Степан, хватая со стола нож. – Убью!

Татьяна метнулась к выходу и побежала в лес. Он за ней. А Людка, отчаянно плача, бежала за ними и кричала, что было силы:

- Папа! Мама! Не надо! Стойте!

Лес отзывался пронзительным и долгим эхом. Никого не было вокруг – все уехали на выходные.

Сколько времени прошло Людка не знала. Где – то там, в лесу, скрылись мать и отец. А она уже не кричала, а просто стояла среди деревьев и часто всхлипывала. Тихо. Неслышно. Начинало смеркаться. В лесу становилось темно и страшно. Людка присела в траву под деревом и сжалась. Неожиданно вышел Степан. Он шёл в сторону Людки, чуть левее и звал её:

- Люда, ты где? Отзовись! Людок!

Но она ещё крепче прижалась к сосне, вжалась в траву и, кажется, даже не дышала. Своим детским сознанием она понимала, что нельзя выдать себя. В этот миг она боялась отца. Боялась больше, чем тех волков, которые, наверное, в этом лесу и теперь живут. А ещё она со страхом думала: «Где же мама?»

Отец прошёл мимо и направился к опушке. Вскоре он исчез из вида. Людка же продолжала сидеть в укрытии. Быстро и страшно сгущался сумрак.

Вдруг поблизости хрустнула веточка – из – за деревьев появилась Татьяна. Людка, вскочив, бросилась к матери.

- Мама! Я тебя потеряла... Я боюсь...

Она прижалась к ней худеньким тельцем и задрожала, плача тихонько, беззвучно. Татьяна присела, обняла дочку и, целуя, шептала:

- Родная моя. Не бойся, я с тобой... Доченька. Солнышко моё. Пойдём. Тут небезопасно. Волки могут быть рядом. Пойдём в бараки. Спрячемся там.

К баракам они подошли, когда было уже совсем темно. В избушке у Степана горел свет.

- Дома стало быть, - прошептала мать. – Теперь выпьет ещё и нас искать пойдёт. Спрятаться нам, Люда, надо. Она забралась под нары и прикрыла собой дочь. В тёмном углу было страшно.

- Молчи, Люда... Бога ради молчи... Чтоб не нашёл нас отец..., - горячо шептала она в Людкино ухо.

И тут скрипнула дверь барака. Узкая полоска света скользнула внутрь. Без сомнения, это Степан искал их. Чиркнув спичкой, осветил на нары. Пусто. Что – то пробурчав себе под нос, ещё дважды зажёл спички и направился к выходу. Татьяна и Людка, крепко прижавшись в угол, со страхом ждали. Открылась и закрылась дверь барака, послышались удаляющиеся шаги.

- Выходи, дочка, теперь не придёт больше сюда, - прошептала Татьяна.

Сколько времени сидели они ещё в бараке – неведомо. Ясно было одно: оставаться здесь на ночь рискованно – вдруг ещё искать пойдёт. Взяв Людку за руку, Татьяна вывела её из барака и опушкой направилась к конюшне. В отцовой избушке горел свет.

Рядом с конюшней высился стог свежего сена. Татьяна зашла к нему с тыльной стороны и, вырыв отверстие, залезла внутрь сама и затащила Людку. Они оказались в тёплом убежище. Сено пьяняще пахло, травинки слегка покалывали лицо, шею, руки. А высоко в небе горели яркие звёзды. Они будто с любопытством заглядывали в стог. Вскоре Людка, прижавшись к маминому телу, сладко уснула. Только Татьяна всю ночь напролёт перебирала в памяти события минувшего вечера и не могла найти ответа на главный вопрос: « Что делать?»

Утром, с трудом уговорив Людку, она взяла её за ручонку и повела в избушку отца. Степан сидел на табурете у входа и курил. Увидев жену и дочь, поднялся навстречу.

- Таня. Людок! Простите меня. Всю ночь не спал, искал вас. Очень боялся. В лесу ведь волки. Простите...

- Люда голодная. Покормлю её, и мы уедем. - негромко сказала Татьяна.

Вечером они уехали домой на машине, что привезла рабочих с выходного.

Через две недели приехал домой Степан. Татьяну он застал во дворе, хлопчущей по хозяйству. Молча сел на крыльцо. Несколько минут наблюдал, как она кормила кур, сгребала в кучки траву во дворе. Молчала.

- Подойди, Танюша. Поговорить надо, - наконец сказал он, - сядь рядом.

Она, по – прежнему молча, подошла, села на ступеньку, вытерла передником руки и пот со лба. Ждала.

- Прости меня, Таня, - тихо вымолвил Степан. – Не буду оправдываться. Винават. Не скрываю, изменил я тебе со Светой. Сам не знаю, как вышло. Обещаю – не будет этого больше. Простишь – буду признателен тебе. Не простишь – уйду.

Помолчал, доставая из пиджака папиросы. Закурил.

- Только не думай – не к ней уйду. Тебя люблю. Детей. Плохо мне без вас...

Опять замолчал. Спустя несколько минут продолжил:

- Знаю, обидел тебя здорово. Люду напугал... Стыдно мне, поверь... Прощения прошу не для красного словца. Сердцем прочувствовал. А на лесопилку больше не поеду. Возвращаюсь на прежнее место - мастером на кирпичный. Вон и вещи все привёз.

Татьяна легко поднялась со ступеньки, посмотрела на усталое лицо мужа.

- Пойди умойся, Степан, вон из бочки. Голодный, наверное. Я пока на стол соберу. А вечером баню протопим. На работу – то когда?

- Да завтра и выйду, что ж бездельничать – то.

Он поднялся и зашагал к бочке. А Татьяна направилась в избу и хлопотала на кухне, собирая мужу поесть.

Больше они к этому разговору не возвращались. И жизнь потекла своим чередом. Простила она или не простила – это осталось тайной, тем прошлым, которое родители не хотели ворошить. Главное – сохранилась семья. И царил в ней, как и прежде, покой.

Через три года отца не стало. Он умер тихо и не мучительно. Сказались фронтовые раны.

Еженедельная планёрка у редактора всегда проходила бурно: обсуждали вышедший номер очередной газеты, подводили итоги, выбирали лучший материал недели, самый интересный заголовок номера, удачную фотографию, героя полосы, оценивали актуальность материалов. Всё это имело финансовую подоплёку, оттого носило характер негласного соревнования. Но судили и рядили справедливо, честно, приводили неоспоримые аргументы. Кого – то хвалили, кого – то журили. Равнодушных не было. И никто не обижался, если указывали коллеги на газетные «ляпы».

Во второй половине планёрки составляли план следующего номера. Заместитель редактора Вероника Зайцева разворачивала макет каждой полосы и, сообщив грядущие события, выслушивала предложения журналистов по освещению их на первой полосе. Последняя отводилась на поздравления, объявления и рекламу, а центральная часть являлась полем деятельности корреспондентов. На полосах размещались статьи, репортажи, интервью, сюжетные фотографии, зарисовки и рассказы о людях – всё, что собрали корифеи пера в творческих командировках, при посещении многочисленных районных мероприятиях. Всё то, что выстрадали, написали в рабочие моменты, а нередко и бессонными ночами дома. Журналисты – народ неугомонный. Они способны найти не просто интересные факты, а сенсацию! Или поймать интереснейший фотокадр! Особенно здорово это получалось у Ивана Кротова – заведующего отделом сельского хозяйства. Нередко, бывая на полях и фермах, он умудрялся сделать такие снимки, которые лучше любого репортажа раскрывали азарт, энтузиазм, трудовой ритм бойцов хлебной нивы или волшебниц молочных рек.

Иван обладал талантом быстро войти в доверие, найти тему для разговора с любым и непринуждённо, как бы между прочим, выведать всю нужную информацию, при этом узнав личные качества, характер, интересы и увлечения героя будущего репортажа. Оттого получался этот труженик многогранной, интересной личностью, а не просто вырванным на момент скучный собеседник. Складывалось мнение, что Иван знает его всю жизнь.

К тому же Иван был скорым на ногу и хватким до всего нового. Он мог в один и тот же день побывать в двух сельхозпредприятиях, посетить утреннюю дойку на дальнем отгонном пастбище, а днём проехать с молодым комбайнёром – передовиком в кабине современного комбайна по пшеничному полю. К тому же на утро следующего дня выдать сразу два актуальных материала, сдобренных сюжетными фотоснимками.

Ещё Иван умел так передать картину, что читатель мог ярко увидеть огромное поле колосающейся пшеницы, почувствовать запах колосьев, ощутить их тяжесть и одновременно уловить лёгкий ветерок жаркого дня. А портреты героев его разносюжетных материалов были настолько выразительными, что вставали незабываемыми образами – старый ли хлебороб с глубокими морщинами на загорелом лице, молодой ли комбайнёр с выгоревшим на солнце чубом, в светлой кепке, от которой пахнет машинным маслом и пылью.

Людмиле нравились его захватывающие репортажи и необычные интервью с искоркой, с неординарными вопросами. Хотелось быть погожей на этого неугомонного журналиста, делать такие же захватывающие материалы. Именно таким представлялся ей журналист, как говорят, от Бога, мастер пера.

В восьмом классе Людка влюбилась. Как-то непредсказуемо всё вышло. Тихая и закомплексованная по характеру, она не пользовалась особыми симпатиями у мальчишек – одноклассников, хотя собою была недурна. Даже в день 8 Марта, когда мальчишки тайком подкладывали симпатизируемым девочкам в дневники открытки с цветочками, подписанные инкогнито, она не находила таковых в своём дневнике или учебнике. Ей же

так хотелось увидеть такой подарочек за обложкой книги или тетради. Однажды она даже купила в «союзпечатовском» киоске красивую открытку с весёлыми цветочками, обрамляющими цифру 8, и нацарапала, как можно безобразнее и грязнее на оборотной её стороне поздравление, якобы от неизвестного мальчика. Утром незаметно положила открытку в дневник. На уроке демонстративно открыла его и будто бы удивилась, увидев неожиданный подарок.

Мальчишки как-то обходили её вниманием, не дёргали за косички, не просили списать контрольную, не пытались помочь поднести портфель...

А той зимой она неожиданно обнаружила – за ней внимательно наблюдает парень из соседнего 11 класса. Каждую перемену она ловила на себе его взгляды. Среднего роста, сероглазый и темноволосый он будто негласно следил за ней. Она чувствовала это постоянно: когда стояла среди одноклассниц, когда прогуливалась с кем – то из них по школьному коридору, когда спешила к буфету за чаем с булочкой... Натыкаясь на его взгляд, Людка смущалась и отводила глаза. Но на следующей перемене опять выходила из своего 8 – го, чтобы увидеть глаза мальчишки из – 11- го. Эти «переглядки» длились всю зиму. От подружек – одноклассниц узнала, что зовут его Антон Черных, и то, что он, как и Людка, из - за реченских.

Майские праздники нагрянули солнечными днями, буйством зелени, радостными переключками птиц и опьяняющим свежестью запахом проснувшейся природы. Вернувшись с первомайской демонстрации, девчонки наскоро переоделись, и шумной ватагой заспешили в лес, где уже цвели пушистые подснежники, весело кустились лучистые, солнечные цветы горичвета, выбрасывала кое – где ярко – фиолетовые и розоватые кисти медуница. Берёзы уже оделись в молодую зелень мелкой листвы и стояли стройными красавицами. Лёгкий ветерок ласкал лицо приятным прикосновением. Настроение витало на пике блаженства.

- А айда-те сегодня в клуб, на танцы, - предложила Иришка Антонова, - мы ведь уже не маленькие. Музыка послушаем, попрыгаем!

- А, чо, пошли, - отозвались друженько девчата. На том и порешили.

Вечером, как и договаривались, весело заспешили в клуб. Впервые попав на танцы, девчонки ощутили себя повзрослевшими и, ничуть не смущаясь, выходили парами на круг среди молодёжи постарше.

И, (О.Боже!) там на последнем ряду сдвинутых к стенке скамеек, в кругу друзей - деревенских мальчишек, сидел Антон. Людка увидела его сразу, и сердце её учащённо забилось, готовое выпрыгнуть из груди. Он тоже заметил Людку.

Заиграла музыка. И Антон направился к группе девчат, неутомно щебетавших у стенки. Людкино сердечко застучало ещё громче, закружилась голова, и она даже не слышала сказанных Антоном слов. Он уже взял её за руку и повёл по кругу. Она боялась поднять глаза, не чувствовала ног и всего своего тела. Была словно лёгкая пушинка, которая бесплотна и бездыханна. Даже музыки не слышала. Будто плыла по кругу, поддаваясь воле ведущего...

Танец закончился. Антон проводил её к подружкам, как говорится – где взял, туда и сдал. Не успела она прийти в себя, как заиграла новая мелодия, и снова Антон пригласил на танец...

Так прошёл весь вечер. И каждый танец был будто продолжением предыдущего. Ни словом не обмолвились они. Только стал тот вечер началом Людкиной любви. На всю жизнь. Пусть трудной, безответной, но первой. А тогда впереди были разочарования, страдания, слёзы и большое, непреодолимое желание самоутвердиться в жизни и доказать ему – вот, мол, смотри кого ты потерял!

Восьмой класс Людка закончила неплохо. В основном на четвёрки. Правда, математику на слабое «хорошо». Физику и химию тоже. Не любила она точные науки. Зато литературу – на твёрдую пятёрку. Читала много и увлечённо. С удовольствием «поглощала» классику. Помнила даты жизни великих писателей, знала

произведения не только школьной программы, но и те, что выходили за рамки её.

Получив документ об образовании, решила, что в школу больше не пойдёт. Собралась в техникум или в училище. И как не настаивала мать, решения своего не меняла. А вот профессию, по которой пойдёт учиться, не выбрала. Хотелось уехать в город.

- Давай со мной в «финансуху», - заявила одноклассница Тайка Ершова, - в сберкассе будем работать. Деньги – то считать научат. И экзамены там сдавать нетрудные : сочинение, да математика. И жить общагу дают. Опять же в городе. Поехали вместе.

И подала Людка документы в ту самую «финансуху», то бишь, в финансово – экономический техникум на отделение «Сберегательное дело».

Сочинение одна из всего потока написала на пятёрку. А Тайка, как она выразилась, на «цвай»!

- Да и не беда! – смеялась подружка, - подумаешь не сдала! В девятый пойду!

А Людка в девятый не хотела. Но и в «финансухе» оставаться без Тайки тоже не хотела. Оттого на экзамен по математике не пошла, а направилась за документами в приёмную. Она, наверное, смогла бы сдать экзамен на тройку и по конкурсу бы точно прошла, но не захотела.

- Что ты, девочка, - уговаривала её руководитель комиссии, средних лет, приятная женщина, - ты же можно сказать, уже поступила. Даже, если на троечку сдашь, проходной балл имеешь. Иди сдавать с другим потоком и будешь зачислена.

- Нет! – твёрдо ответила Людка, - мне не нравится эта профессия...

Документы ей отдали. На другой день она увезла их в педучилище. Где успешно сдала экзамены и была зачислена.

А в деревне была красота! В садах цвела черёмуха и яблони. Бушевала, затопляя округу лиловыми волнами, сирень. Эти ароматы весны одурманивали, пьянили, рождали радостные чувства, которые выплескивались через край, будто уносили куда – то высоко в голубое небо к яркому солнцу.

Вечерами на танцплощадке у клуба играла знакомая музыка, собиралась молодёжь. Смеялись, танцевали, влюблялись. Стоя в кучке верных подруг, Людка краешком глаза следила за Антоном, который всегда находился среди друзей – ребят. Иногда он приглашал её на танец, порой провожал домой... Случалось, что уходил с другими девчатами. И тогда Людка, вернувшись с танцев, плакала. Она, к великому сожалению, не была его единственной, как бы ни любила этого симпатичного весёлого парня. Он не был её кавалером. Случалось, что кто – то из парней намеревался прогуляться с ней, и тогда Антон, обязательно, как – то незаметно отстранял провожатого, и сам оказывался на его месте, уводя Людку из девчачьей компании. Они гуляли по укутанному вечерней прохладой саду, где цвела сирень и он рвал её душистые гроздья, дарил Людке огромные букеты и что – то рассказывал о далёких звёздах, о тайнах Галактики, о сказочных путешествиях и ещё о чём – то, что навевало Людке счастливые чувства, делало вечер фантастически прекрасным.

А потом он опять будто бы отстранялся, провожал других и, наверное, им тоже говорил о звёздах, дарил букеты, горячо сжимал ладонь, обнимал... А Людка опять плакала. И ждала...

Осенью Антона забрали в армию. Его попытка поступить в ВУЗ не увенчалась успехом и осталась одна дорога – идти служить. Людка не провожала его. Она молча стояла поодаль от военкомата и наблюдала, как прощались с ним родные, друзья. Как погрузились призывники в поданный автобус и покатали в сторону железнодорожной станции...

Он не писал ей писем. Казалось, исчез из её жизни. Хотя от его друзей знала, что служит Антон в танковых войсках, что скучает по дому. Никогда не передавал ей приветов... А она ждала. И любила. Вечерами нередко шла к его дому, далеко, на другой край длинной деревни, останавливалась на противоположной стороне в тени раскидистых

клёнов и подолгу смотрела на светящиеся окна плотно закрытые шторами. Потом возвращалась домой и засыпая, вспоминала тёплые майские вечера, прогулки в саду и букеты сирени...

Той же осенью Людка уехала учиться. Начался новый жизненный виток – овладение будущей профессией.

Вскоре после обеда в кабинете журналистов сработала внутриселекторная связь. Людмила ответила, подняв трубку аппарата.

- Людмила Степановна, - раздался спокойный приятный голос редактора Елены Олеговны Селютиной, - зайдите ко мне. У меня к Вам серьёзное поручение.

Людмила, отложив почти готовое интервью с главным врачом районной больницы Тимуром Игоревичем Казаковым о проблемах здравоохранения в районе, направилась в редакторский кабинет.

Кроме Селютиной в кабинете находилась невысокая, худенькая черноволосая женщина с аккуратно уложенной причёской, в тонкой голубой блузочке и серой чуть клешёной юбке. Была она довольно приятной на вид на вид женщиной, но глаза показались Людмиле грустными, даже как будто заплаканными.

- Вот, - начала редакторша, - Юна Викторовна Золотарёва работает в отделе кадров швейной фабрики «Рубин». По непонятной причине её увольняют. Без согласования с профсоюзной организацией. Просит помощи у нашей газеты. История, надо сказать путанная... Я думаю, Вы, Людмила Степановна, сумеете разобраться.

Людмила ещё раз внимательно посмотрела на женщину, с которой предстояло разобраться в путанице возникшей проблемы, и, улыбнувшись, пригласила её пройти в свой кабинет. Юна Викторовна легко поднялась и, поблагодарив редактора, вышла в коридор.

- Люда, постарайся докопаться до истины, - негромко сказала Елена Олеговна, - я надеюсь, ты выявишь все нюансы.

Улыбнувшись, добавила:

- Ты у нас упорная! И настырная!

В кабинете Людмила прежде всего постаралась вникнуть в суть проблемы, но одновременно исподволь пыталась сформировать мнение о собеседнице. Это она считала немаловажным основанием для понимания обстоятельств.

- Расскажите, Юна Викторовна, что случилось? – попросила она. – Постарайтесь подробнее, не упуская мельчайших подробностей, взаимоотношений в коллективе.

- Можно просто – Юна, - сказала собеседница. – Я сама не понимаю, чем вызвано моё увольнение. Проработала на фабрике пять лет. Никаких проблем не было. В последнее время начались придирки начальника отдела кадров Зайковой. То одна запись ей не нравится, то найдёт документ, несвоевременно поданный на подпись директору, то ещё какой – нибудь огрех выявит. Посыпались жалобы на меня начальству, а меня, соответственно вызывают «на ковёр» и отсчитывают. А теперь вот приказ на увольнение издан. А профсоюза почему – то у нас не стало. И это к тому, что он был всегда... куда подевался – непонятно. В местный райком профсоюза обращалась, там сказали, что профорганизация на фабрике есть, по крайней мере, в списках значится. По закону увольнение члена профсоюза обязательно должно быть согласовано с профкомом. Должно быть его согласие...

Юна помолчала. Почти шёпотом добавила:

- Газета – моя последняя инстанция. Я очень надеюсь, что мне помогут... К тому же, у меня двое несовершеннолетних детей. Это тоже не позволяет меня уволить... Ведь так?

Она посмотрела на Людмилу, словно ожидая поддержки.

- Я постараюсь помочь разобраться в Вашей проблеме, - заверила Людмила. – Напишите мне контакты профорга фабрики, председателя райкома профсоюза работников агропромышленного комплекса. И всю Вашу проблему изложите письменно. Я буду работать с письмом.

Весь вечер Людмила строила план предстоящих встреч, вопросов, необходимых к выяснению. Она составила список тех участников конфликта, с которыми нужно было встретиться в первую очередь.

Утром она первым делом набрала номер телефона директора «Рубина» Ильи Ильича Лобова и попросила его о встрече.

- А в чём, собственно, дело? – поинтересовался директор.

- Письмо в редакцию поступило. Нужно выяснить вопрос, - ответила Людмила.

- Уж не от Юны ли Золотарёвой? – парировал Лобов. – она у нас обиженная. Везде жалуется.

- Обо всём разговор при личной встрече, - отрапортовала Людмила. – Так назовите время, когда мне лучше подойти к Вам?

- Сейчас я уезжаю в область, а в два часа жду Вас у себя, - ответил директор.

В назначенное время Завьялова постучала в дверь директорского кабинета.

Лобов встретил её широкой улыбкой, пригласил жестом сесть и с любопытством поинтересовался:

- Что же привело Вас в наши скромные пенаты? Может, о направлениях моды в одежде нынешнего сезона хотите написать? Нас сегодня в губернии как раз по этому вопросу собирали.

- Да, нет. Я уже Вам говорила, что хочу побеседовать по письму, поступившему в газету. По поводу законности увольнения сотрудницы отдела кадров Юны Викторовны Золотарёвой.

- Я так и подумал. Что, собственно, Вас интересует? Увольняем её в виду сокращения кадров. Она у нас недавно работает. К тому же, имеет ряд нареканий по выполнению обязанностей. Ничего незаконного в этом нет.

- Как же нет? А согласие профкома?

- Нет у нас никакого профкома. Разве Вы не в курсе, что профсоюзы изжили себя. В наше время эта общественная организация не имеет той силы, что ранее.

- Отчего же? Профсоюзы существуют и обладают прежними законными возможностями, стоят на защите прав и интересов своих членов.

Людмила помолчала и добавила:

- Кроме того, у Юны Викторовны двое маленьких детей. Их интересы тоже под защитой государства. Вы, как руководитель, знаете, что в случае сокращения штата должны предложить сотруднику работу. Оставить мать несовершеннолетних детей без средств существования недопустимо.

Илья Ильич оставался спокойным и даже пытался приводить какие – либо обосновывающие аргументы своего решения по увольнению сотрудницы. Он даже продолжал держать скрытую улыбку.

- А вот знаете, я с Вами, Людмила, не во всём согласен. Во – первых, сокращение кадров – проблема, которая не от нас зависит. Поступило указание сверху – сократить, мы вынуждены выполнять. На отделе кадров вполне достаточно одного сотрудника. Вот и принято решение – сократить Юну. Ей будет выплачено выходное пособие, она легко зарегистрируется в службе занятости населения, станет получать там пособие. Таким образом, решится другая проблема – её дети не останутся без помощи государства. А там, глядишь, и вопрос с трудоустройством решится. Предложить ей другую работу на нашем предприятии нет возможности.

Людмила поняла, что дальнейший её разговор с директором – безрезультатен. Попрощавшись, она вышла из кабинета.

Встреча с профсоюзным лидером фабрики не дала Людмиле совершенно ничего положительного. Профорг Лиза Щеглова ответила коротко и односложно:

- Профсоюзной организации у нас нет.

Людмиле оставалось лишь направиться в райком профсоюза работников агропромышленного комплекса, куда почему – то входила и фабрика «Рубин», как предприятие лёгкой промышленности.

Беседа с председателем райкома Надеждой Скворцовой оказалась более продуктивной.

- Знаете, - начала разговор она, - в последние годы сложилось ложное представление о том, что роль и значение профсоюза в качестве защитника прав и интересов работников заметно снизились. Однако, достаточно лишь внимательно изучить «Трудовой кодекс РФ», чтобы убедиться в обратном. В ряде статей прямо указывается необходимость учёта мнения профсоюза в определённых случаях. При этом перечень вопросов решаемых работодателем с учётом мнения профсоюзного органа многогранен. Кроме того, это находит отражение в коллективном договоре, разрабатываемом совместно с профкомом. Нарушение данных договорённостей влечёт недействительность решения работодателя. Что касается действий в отношении Юны Золотарёвой, то она не просто являлась членом профсоюза, а входила в состав профкома. Поэтому она не может быть уволена без согласия с этой общественной организацией.

- Но на фабрике утверждают, что профсоюзной организации на предприятии нет, - вставила Людмила.

- Куда же она делась? – парировала Скворцова, - Ничего подобного в райкоме не имеется. Никаких решений о приостановке деятельности профкома. В списке наших организаций таковая значится. И коллективный договор мы с ними разрабатывали, и на общем собрании принимали, и взносы перечислялись. Правда, делалось это с опозданием, но тем не менее. Сейчас многие профкомы имеют задолженность по взносам, однако, по мере возможности, погашают её.

Председатель райкома помолчала, обдумывая что – то, и, встав, прошла по комнате. Остановилась у окна.

- На мой взгляд, увольнение Юны кроется в чём – то ином. Лобов – человек злопамятный. Знать чем – то не угодила ему Юна, вот и пошёл в «лобовую атаку», решил наказать её. На фабрике - он царь и бог. Как решит – так и будет... Нет у него никакого указания свыше о сокращении штата. Уверена. Сам, по своему усмотрению, действует...

- А как же так? – удивилась Людмила.

- А вот так! Приходила ко мне Юна...Плакала... Ухаживал он за ней...Только она не приняла этих ухаживаний. Она ведь одна воспитывает двоих мальчишек, к тому же один из них не совсем здоров. Муж уехал куда – то на вахту, да так не вернулся – новую семью завёл. С тех пор и бьётся Юна одна, детей поднимает... Разумеется личные мотивы, думаю, задевать ни к чему. Упор должен быть сделан на закон. Увольнение её не вписывается в рамки закона. Я посоветовала ей обратиться в суд. Только боится она чего – то. Вероятно, мести Лобова. Однако райком профсоюза встанет на её защиту. Точно! Помогу подготовить документы, дам все необходимые выписки и пусть идёт в суд.

Новая встреча с Надеждой Скворцовой состоялась дней через десять. Она сообщила, что её вызывали в обком профсоюза.

- Написал на меня «телегу» наш Лобов, - улыбнулась она, жаловался, что полномочия превышаю, не в своё дело лезу. Только председатель обкома выслушал меня и одобрил мои действия. Так что готовим документы в суд.

- У меня тоже были подобные проблемы, - ответила Людмила, - приходил Илья к редактору, выразил недовольство моим действиям. Только Елена Олеговна уведомила его, что мне поручено работать с письмом, а вмешиваться в мои действия она не намерена. Вот так. Думаю, дело доведём до успешного конца.

Суд всё – таки состоялся. Людмиле разрешили присутствовать на заседании. Юну на работе восстановили. Лобову было вынесено предписание. Вскоре Юна Викторовна уволилась и нашла себе другую работу.

В районной газете «Светлогорский вестник» под рубрикой «Письмо позвало в дорогу» вышла статья Людмилы Завьяловой «Страсти по профсоюзам».

Училась Людка хорошо, с интересом и желанием. Время мчалось быстро, и после окончания училища она приехала работать в Светлогорскую начальную школу. Этой же осенью подала документы в институт на факультет «Русский язык и литература». Экзамены сдала успешно. Работа и учёба требовали много усилий и свободного времени почти не оставалось.

Осенью пришёл из армии Антон. Встретились они в клубе. Нечасто, но вместе с подружками Людка бывала тут на танцах. Встречи с Антоном в душе хотела и ждала, хотя одновременно побаивалась. Как – то всё получится? Каким он стал? Она по – прежнему любила его. Вспоминала давнюю весну, прогулки в саду и запах сирени...

В клубе играла музыка. Танцевали пары. Парни столпились на невысокой сцене, где был установлен бильярдный стол, азартно катали шары. Среди ребят Людка увидела Антона. В короткой спортивного покроя курточке, светлых брюках, он показался ей необыкновенно красивым. Дрогнуло сердце, накатило то состояние, как тогда, в первую встречу на танцах, когда она чувствовала себя невесомой, лёгкой, неуправляемой пушинкой.

Антон тоже увидел Людку. Посмотрел на неё долгим взглядом, будто припоминая...

Заиграла медленная мелодия. Она выплёскивалась в зал, словно лёгкими волнами, звуками плачущей на фоне оркестра гитары. Антон направился в сторону девчат. Он подошёл к Людке и протянул ей ладонь. Она на миг растерялась, но, взяв себя в руки, шагнула вслед за ним в круг танцующих. Всё было как тогда, три года назад, когда он впервые пригласил её на танец.

- Ну здравствуй, Люда, - наклонившись тихо сказал он, - рад увидеть тебя.

- Здравствуй, - прошептала Людка.

Она не знала, что ещё сказать. Она просто испытывала чувство огромной радости от того, что он смотрит на неё, тихо ведёт её в танце по залу, в котором, кажется, качается пол, плывут вокруг стены. И никого нет вокруг: только он и она! «Разве может быть такое? – удивлённо гадала Людка, - Почему я никого не вижу кроме него? Неужели он рядом?»

Ей вдруг захотелось прижаться к Антону крепко – крепко. Положить голову на его грудь и заплакать счастливо и беззвучно.

Она подняла глаза и встретилась взглядом с его глазами, серыми и улыбающимися. Он вдруг тихонько сжал её руку. Людкино сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ей казалось, что не только он, а все вокруг слышат его громкие удары.

- Пойдём погуляем, - предложил Антон.

- Хорошо, - прошептала Людка.

Не дожидаясь когда закончится музыка, они вышли из зала. Миновав небольшой коридор, оказались на улице. Старые тополя в клубном парке уже осыпали свой осенний наряд цвета серебра, и листья лежали плотным ковром на пожухлой траве. Холодноватый ветер обдавал лицо. Высоко в небе горели звёзды. Людка поёжилась.

- Замёрзла, - спросил Антон. Он вдруг резко и в то же время мягко прижал её к себе, повернув лицом. И неожиданно поцеловал долго и нежно. Людка вдруг ощутила тепло, исходящее от его ласковых губ, крепких рук. И совсем не хотелось отстраняться от его объятий, от горячего дыхания и щекотавшего ухо шёпота:

- Я вспоминал тебя, Люда. Я видел тебя во сне. Ждал встречи с тобой. Мне с тобой очень легко. Я помню, как мы встречали с тобой однажды рассвет за околицей, как пел соловей, как ты смеялась и радовалась цветам сирени... Я помню всё... Посмотри на звёзды. Они ведь тоже всё помнят. Они те же... И мы те же...

Людка слушала горячий шёпот Антона и словно таяла от слов. А он опять целовал её, прижимая к себе. Ей уже не было зябко. Она будто горела в счастливом пламени чувств.

Танцы давно закончились. Молодёжь разошлась: кто парочками, кто весёлой шумной ватагой. А они с Антоном всё бродили по тихой деревенской улочке, иногда присаживались на лавочки у домов и смотрели на высокие звёзды, круглолицую луну. Он рассказывал о том, как служил, о друзьях, как скучал о родной деревне, о том, как собирается строить своё будущее – где учиться, работать. Она делилась впечатлениями о своей работе, как ей нравится заниматься с детьми, как много она читает, пишет, что учёба в институте – это так здорово!

Потом Антон проводил Людку до дому.

Новогодье выдалось красочным. Снег лежал белым пушистым покрывалом, деревья, укутанные кружевом инея, выглядели по – царски богато и сказочно. Светлогорск оделся в разноцветье гирлянд, которые по вечерам превращали центр и центральный парк в сверкающий, переливающийся в свете мерцающих огней островок праздника. Огромные снежные фигуры добавляли ощущение радости. Звучала музыка и она олицетворяла красоту русской зимы, знакомые с детства персонажи Нового Года – Деда Мороза и Снегурочки.

Людка и Антон с наслаждением гуляли по улицам. Приподнятое настроение, сияние ёлки – всё дополняло и усиливало приближающееся торжество новогодней ночи.

Их компания готовилась встречать Новый Год у Тайки Ершовой.

- Предки мои «отбывают» на праздник в деревню к своим родителям. Они ведь оба оттуда. Так что хата свободна и мне разрешили пригласить друзей. Только порядок потребовали соблюдать строгий, - сообщила Тайка.

Праздничное меню обсуждали девчата весело и шутливо. Хотелось сделать праздник ярким, запоминающимся.

Парням было поручено доставить и установить ёлку. Кроме того, они обязаны были закупить, согласно составленного списка, продукты.

В канун праздника с утра девчонки взялись за дело: варили, стряпали, чистили, резали... Готовились основательно. Стол получился богатый, красивый. Столько разной вкуснотищи наготовили волшебницы – девчонки.

А ёлка получилась яркая, прекрасная, сияющая разноцветными огнями гирлянд, блестящая серебряным дождём и мишурой. Настроение у всех было на пике огромной радости, фантастического удовольствия.

Зимние сумерки незаметно укутали деревню. Ярко светились окна клуба. Молодёжь и взрослые, дети – все собирались на праздничное новогоднее представление. Получилось оно весёлым, с шутками, розыгрышами, играми, аттракционами. С появлением долгожданных главных персонажей – Деда Мороза и Снегурочки – зажглась ёлка, и начались танцы. Работала игровая «почта», доставляющая по номеркам, прикрепленным на груди у каждого, поздравлений с Новым Годом, пожеланий удачи, счастья и добра!

Людка тоже написала письма своим подружкам, родителям учеников, хорошим знакомым и Антону. Он в ответ прислал ей поздравление и сделал под ним приписку – «Целую!»

Ближе к полуночи клуб начал пустеть. Все спешили домой, встретить наступающий праздник за семейным столом, под бой курантов загадать желания и поднять бокалы с пенящимся шампанским.

Людка и Антон пришли к Тайке, когда уже все были в сборе. Заняв оставленные им места, включились в общий непринуждённо – шуточный разговор. До боя курантов оставались считанные минуты. В красивых тонких фужерах искрилось шипучее шампанское. Первые удары главных часов страны утонули в криках и звоне соприкасающихся бокалов.

Всю новогоднюю ночь Антон ухаживал за Людкой, шутил. Они смеялись, танцевали, играли в игры...

Разошлись перед самым утром. Людка осталась у Тайки. Они сноровисто убрали и вымыли посуду, пропылесосили палас в комнате. Остатки застолья составили в холодильник.

После обеда приехали Тайкины родители. Наведённым порядком остались довольны. Заглянув в комнату, где крепко спали девчонки, Тайкина мать, Наталья Сергеевна, только улыбнулась и тихонько прикрыла дверь.

Под утро Людмиле приснилась река. Неизвестная. Будто стоит она на берегу и смотрит на спокойный её бег. Река широкая и красивая. И на душе у Людмилы светлое чувство, упоение спокойствием и необыкновенная лёгкость.

Уже проснувшись, Людмила чувствовала, что не хочет открывать глаза. Блаженное состояние продолжается какое – то время. Ещё стоит картина тихой спокойной реки.

Нехотя открыв глаза, Людмила обдумывает сон. Вспоминает толкования, что когда – то давала мать: «Коли снятся огурцы – к огорчению, яйца – знать в гости кто зайвится, шуба – к шуму, рыба – к слезам. А коли котята привидятся – без сомнения, к беременности, вода – к воле...».

«А к чему же река? – думала Людмила. - Конечно, это вода. Но только не обычная, а именно река. Такая тихая, спокойная, умиротворённая. Людмила приподнялась на локте, нашла на тумбочке в стопке книг «Сонник». Открыв его, нашла толкование: «река – к успеху в делах». Улыбнулась. Ну что же, это неплохо.

Субботнее утро начиналось хорошим настроением. Легко поднявшись, Людмила бесшумно направилась в кухню. Муж Андрей сладко спал, отвернувшись к стене, подложив под щеку сразу обе ладони. Он всегда так спал, как ребёнок. Смотреть на него спящего без улыбки было невозможно. Бывало, он посапывал во сне, что усиливало его детскую безмятежность.

Девчонки – погодки – Леночка и Любашка – спали в другой комнате. Тут же, устроившись в кресле, свернулась клубочком кофейного цвета кошечка Пуша, похожая мордашкой на миленького книжного котёнка по имени Гав.

Яркие лучи утреннего солнца стремились просочиться между плотными шторами и ложились светлой полосой на синий ковёр на полу.

Сегодня Людмила обещала побаловать домочадцев блинчиками. Это было любимое угощение всей семьи. Блины у Людмилы получались всегда удачными : тоненькие, с ажурными дырочками и на удивление вкусные. Когда – то такие блинчики научила её печь мама Таня. Она с улыбкой говаривала: «Чтоб блинчики испечь, надо их с любовью завести. Тогда они солнечными, да вкусненькими получатся. Ни единого комочка быть не должно. Должны они улыбаться, да в рот сами проситься!» Искусством «блинопечения» Людмила овладела в совершенстве. Печь блины для неё было удовольствием и радостью одновременно.

Она почти допекала блины, когда на кухню заглянул Андрей.

- А я думаю, чем так вкусненько пахнет? Тут оказывается мамулечка – стряпулечка нам блинчики затеяла, - весело выдал он. Потянулся к тарелке с горкой горячих блинов.

- Нет! – мягко остановила его попытку Людмила. – Что это такое? Быстро умываться! Уж потом за завтрак браться!

Дружный топоток раздался в коридоре и две улыбающиеся мордашки разом просунулись на кухню.

- Ура! Блинный день! – выдала Леночка.

- Чур, я первая умываюсь! – взвизгнула Любашка, и бросилась в ванную.

- Вообще – то я первый встал. Мне и умываться первому,- вставил Андрей.

- Не – е – ет! Сначала девочки! Мальчики позднее! – раздался голос Любашки, уже вылетаемый в шум водяной струи.

Наконец, умывшись и одевшись, все чинно устроились за столом, и наступил счастливый момент домашнего завтрака – чаепития.

У каждого в «блинном» угощении было своё предпочтение. Девчонки любили их со гущенным молоком, Андрей – со сметаной, а Людмила обожала с растопленным в чашечке сливочным маслом, как когда – то в детстве. Трапеза длилась долго и сопровождалась, как правило, семейными беседами.

- Мы сегодня собирались в гости к тётё Шуре, - сказала Леночка.

- Ну, во – первых, собирались в воскресенье, - вставила Людмила, - а сегодня, как известно, суббота. Поэтому и дела субботние надлежит сделать. Сначала – уборка. Папе – вытрясти дорожки, Любе – в вашей комнате прибрать, нам с Леной – в зале. Так что убираем кухню после завтрака и за дело!

До обеда с поставленной задачей справились. Квартира сияла чистотой, настроение было приподнятым.

Во второй половине дня девчонки ушли гулять, Андрей устроился у телевизора за просмотром своих любимых передач на политические темы, а Людмила решила дописать неоконченную зарисовку о клубном коллективе из соседнего села.

Почему – то вспомнился утренний сон. Река, широкая и спокойная, бегущая вдаль и манящая вперёд. И опять возникло ощущение спокойствия. «К успеху в делах» - вспомнила Людмила толкование и улыбнулась. Всё у неё было хорошо. Полное взаимопонимание в семье, любимая работа, друзья – всё гармонично вписывалось в её жизнь. Кажется, так было всегда. А ведь как часто и безжалостно была её судьба. Наотмашь...

Тот Новый Год не стал для Людки счастливым. Уже в начале марта она почувствовала как отношения с Антоном стали натянутыми. Восьмого марта в клубе он не подошёл к ней. Танцевал с другими девчатами. Людка ушла домой одна. Больше на танцы она не ходила. И Антон будто исчез из её жизни. Доходили слухи, что провожает он девчонку из Климовки Надю Климову.

«...Бросил...», - отчаянно билась в Людкиной голове мысль. - Только непонятно что случилось. Ведь не было же никакой причины, ни малейшего повода. Просто, ушёл и всё. Ничего не объясняя...»

Людка вспоминала встречи с Антоном, их прогулки, разговоры. И вот тут она сделала вывод: «Не любил!» приходило на память, что действительно за всё время, проведённое вместе, Антон ни разу не сказал ей, что любит. А она и не заметила этого. Наверное, потому, что любила сама. И, получая знаки его внимания, считала, что так и должно быть. Что он рядом, и этого вполне достаточно, чтобы быть счастливой. А он взял и неожиданно исчез.

Миновала весна. Отцвела – отбушевала сирень, осыпали цвет яблони, отпахла душистая черёмуха. Вот уже отмела июньская вьюга белым пухом тополей. Людка сдала летнюю сессию в институте и пошла в отпуск.

В День Молодёжи отправились они с девушками в Светлогорский центральный парк на танцы на летней площадке. Было тут многолюдно, шумно, весело.

Неожиданно к Людке подошёл высокий симпатичный парень со спортивной фигурой. Им оказался бывший сокурсник по педучилищу Вася Батулин.

- Привет! – широко улыбнулся, - а я вот смотрю и думаю – ты или не ты!? Сколько ведь времени не виделась! А ты изменилась. Повзрослела. Похорошела.

- Здравствуй, Васёк – трубочок! – засмеялась Людка, вспомнив, как в шутку звали его в училище. Он был единственный парнишка в группе, и девчонки относились к нему, как к подружке, не стеснялись вести при нём свои девчачьи разговоры, делиться душевными переживаниями. Васёк был у них и братом, и другом, и жилеткой, в которую можно в трудные моменты поплакаться.

- Я вот в гости приехал в ваш колхоз, - засмеялся Васёк, - у меня недавно старшая сестра с мужем сюда переехали. Его главным агрономом назначили. А она воспитателем в детсаду работает. Вот и приехал погостить. Сам я в городе устроился. Тренером по борьбе в спорткомплексе при заводе работаю. А ты как?

- Да тоже нормально. Учителем начальных классов в местной школе. В институт поступила. Вот с сессии только вернулась.

- Умница! – резюмировал Васёк. – Пойдём, потанцуем.

И только они вышли на круг, как прямо перед ними, будто из – под земли, появился Антон.

- А ну, отойди, - резко отодвинул он в сторону Васёку. - Моя девушка!

И, обхватив Людмилу за талию, повёл по кругу. Васёк, пожав плечами, вышел с площадки. С этого вечера всё началось, будто движение по спирали: встречи, провожания...

Лето было в разгаре. День стоял душный, безветренный. Солнышка не было видно за клочковатыми серыми облаками. Мокрая от дождя земля парила. На траве висели тяжёлые капли. Людка и Антон сидели на мокрых ошкурённых брёвнах вновь строящегося дома. Молчали.

- Завтра к другу в гости уезжаю..., - тихо сообщил он. - Может насовсем там останусь. Работу найду. В городе ведь легче хорошую работу найти. А у меня и образования нет. Учиться пойду. Людка слушала этот монолог и думала о своём. «Ну и пусть валит на все четыре. – стучала в голове мысль. – Видать не судьба быть вместе. Как был перелётной птичкой, так и остался. Это про таких, как он, говорят: «Сам – не ам, другим – не дам». Вот и он – сам толком не относится ко мне, и другим никому подойти не даёт. Держит на коротком поводке. Устала я от такой любви. И пусть уезжает...»

- Что ты молчишь, Люда? – прервал её мысли Антон.

- А что я должна сказать? – осведомилась она. – Удачно устроиться. Счастливого пути.

- Скучать – то будешь? – полушутя спросил он.

- Не знаю. Может быть. Только вряд ли тебя это волнует.

- Почему же? Очень даже интересно.

- Пустой интерес. В городе девчат много. Скучно тебе не будет, может, и любовь встретишь. Может, и судьбу найдёшь.

- Да, ладно тебе, Люда. Вдруг ты моя судьба?

- Да нет, Антон. Ты ведь не любишь меня... Да и вряд ли кого – то любил в своей жизни. Так. Летаешь по жизни. А чувств настоящих не испытывал. Хотя и пора уже..., - спокойно рассуждала она.

А он молчал. К ужасу своему Людка понимала, что он не перечил ей. А значит она права. Значит, выяснили свои отношения, и нет смысла продолжать их дальше...

На душе было пусто и одиноко.

- Пока. Счастливого пути тебе, и хорошо устроиться.

- Постой ты, - удивлённо посмотрел на неё Антон.

- Чего ж стоять – то? – усмехнулась Людка. – Всё хорошо. Видно разные у нас дороги.

Она ушла не оглянувшись. Он не окликнул её.

На следующий день он уехал.

Дни текли и были похожи один на другой. Ждала ли она возвращения Антона? Этого Людка не знала сама. Подолгу сидела одна на скамейке в парке. Просто наблюдала, как резвятся на детской площадке ребяташки, как гуляют по аллеям парочки и просто одинокие прохожие, как гомонят на асфальтовых дорожках голуби, как гудят над цветами шмели...

Людка не чувствовала себя одинокой. Она просто сидела и думала о своём.

- Привет! – вдруг услышала она. Незнакомый парень стоял напротив и улыбался. Казалось, улыбка исходит из его глаз. Настолько искристыми и жизнерадостными они были. И голос показался ей бархатистым и будто пропитанным той же улыбкой.

– Смотрю вот: сидит девушка, скучает. Решил помочь разделить одиночество и скуку. Можно? – кивнул он на пустующее рядом место на скамейке.

- Садись, - без каких – либо эмоций ответила Людка.

Он легко устроился рядом и протянул руку. Представился:

- Егор... Егоров.

- Ух, ты! – засмеялась неожиданно Людка. – Егор, да ещё и Егоров! Случайно не Егорович?

- Нет, - улыбнулся парень всё той же ослепительно красивой улыбкой, - вот отчество в эту схему не вписалось. Васильич я. А именем – фамилией родители наградили. Впрочем, друзья зовут меня просто «Гор – Гор»!

Егор оказался Людмилиным ровесником. Они даже, оказывается, учились в одной школе. Но почему – то не помнили друг друга, хотя некоторых девчонок и мальчишек из ровесников знали. Да и немудрено это было, ведь в школе насчитывалось целых пять восьмых классов от «А» до «Д». Егор получил в школе среднее образование и, выучившись, на связиста, теперь готовился к осеннему призыву в армию. А ещё он увлекался футболом и пригласил новую знакомую на товарищеский матч с командой из соседнего села, который должен был состояться в воскресенье. Людка приглашение приняла. И вообще весёлый, разговорчивый Егор ей понравился. Ей с ним впервые за последнее время было легко и просто.

Так вписался в её жизнь Егор. Их встречи стали частыми. Причём о них не договаривались. Просто он находил её в парке на знакомой скамье, приносил ей шоколадки, скромные букетики цветов. Они весело болтали, гуляли по тенистым аллеям. Иногда вечерами ходили на танцы. Впервые за годы своей безответной и такой ненадёжной любви она чувствовала себя уверенной и счастливой.

После утренней пятиминутки Людмила направилась в небольшую уютную комнатку, называемую красным уголком, неспешно приготовила всё, что было необходимо для

предстоящего мероприятия – встречи за круглым столом с воинами – афганцами. Включила чайник, поставила на столик чашки с блюдцами, коробку с конфетами «Ассорти», красивое блюдо с печеньем, баночку кофе, упаковку чёрного чая, небольшую вазочку с букетиком цветов. Сегодня она ждала гостей, с которыми в процессе чаепития должна была пройти встреча. Ребят, прошедших через Афган, она в районе знала почти всех. Афганская тема уже давно была для неё отработанной, не раз писала о тех, чья судьба в разные годы была связана с событиями в горячей точке. Они вернулись с той войны, с огненной земли Афганистана. Чужой земли. Но навсегда и накрепко связанной с нашей Родиной. Потому что там за пограничной чертой осталась частица жизни русских ребят, опалённых войной.

Любая война, в том числе и афганская, не только сражение, но и жизнь. Это тяжёлое испытание, которое не каждый мог пережить. Наверное, по этой причине бывшие афганцы не любят рассказывать о том, что выпало на их судьбу. И вот сегодня, на встрече им вновь предстояло окунуться в пекло минувших дней, вспомнить трудные дни Афгана, друзей, события.

До встречи оставалось полчаса. Людмила ещё раз пробежала взглядом по «шпаргалке», с намеченными вопросами, которые планировала задать ребятам, чтобы высветить основные моменты разговора, направить его в нужное русло.

Все четверо приглашённых пришли одновременно. Одетые в тельняшки и военную форму, в беретах, с заслуженными наградами на груди, они напоминали храбрых воинов, вернувшихся с боевого задания. Каждый из них прошёл через Афган в разное время. Разговор сразу вошёл в нужное русло.

Дима Лузин родом из небольшой деревеньки. Когда учился в школе, как и любой мальчишка мечтал о подвиге. Много читал о войне, об отважных героях. Жило в нём чувство романтики, мечталось о чём – то необыкновенном. Наверное, поэтому, когда пришло время призыва на военную службу, в военкомате выразил желание попасть в Афганистан, где шла война. Хотелось проявить мужество, закалить волю. Четыре с половиной месяца в учебном центре в Фергане пролетели быстро. Спецподготовка военных десантников включала марш – броски, стрельбища, походы в горы и, конечно, прыжки с парашютом. Условия были максимально приближены к афганским. Отсюда – прямая дорога под небо чужого края. Работа напряжённая, каждодневная, утомительная. Но Дмитрий был готов ко многому. Ведь ещё дома перед армией занимался в областном клубе ДОСААФ, где обучался прыжкам с парашютом. Поэтому и солдатом стал быстро. Хорошим солдатом.

- В Кабул прибыли самолётом, - рассказывал Дима, - оттуда – в Баграм. Там раскидали нас по ротам. Попал во взвод управления, где стал связистом – корректировщиком...

Так начался Афган для Дмитрия.

Толя Бахметов прошёл свой путь иначе. К началу 80-х годов он был человеком вполне сформировавшихся взглядов и убеждений. За плечами была армейская служба, становление военного специалиста, спортивные успехи. Доброй школой стала и служба в органах внутренних дел. Прежде чем попасть в Афган, прошёл подготовку в составе элитных частей спецназа, предназначенных для разведывательной работы на далёкой афганской земле. Прибыл на опалённую жарким солнцем землю в составе отряда особого назначения. Первых наших в Афгане встречали доброжелательно. Им приветствовали, жали руки. Конечно, не везде, но, тем не менее, родилось убеждение: им рады. Но война расколола народ на части. Вскоре и вовсе ситуация оказалась запутанной. В кишлаках, где жили мирные, православные люди, которых прибыли защищать русские солдаты, стали случаться диверсии, в ребят стреляли, с ними зверски расправлялись. Стало непонятно, где враги, а где нет. Рождались непонимание, отчаяние, жестокость...

- Наш отряд охранял асфальтовую дорогу в провинции Мозори – Шариф – Хайротон, - рассказывал Анатолий. – Было раннее утро. Мы двигались на БТРах. Видим – впереди, у дороги, в полумраке темнеет какая – то куча. Подошли. То, что увидели, страшно передать даже словами, а не то что видеть: молодой русский солдат, сержант, не просто убит, до неузнаваемости, по – страшному изувечен. Труп расчленён, живот вспорот. Его буквально кромсали по частям, издевались, уродовали... А парню оставалось три дня до дембеля...

Ребята замолчали. Видно каждый вспоминал свои жуткие моменты той войны. Людмила боялась потревожить эту тишину. Самый молодой из участников встречи Игнат Семенчук взял в руки гитару. Тронул струны. И зазвенели они, будто тревожный набат. Негромко запел парень песню об Афгане. Грустную, насквозь пронизанную болью. Казалось, кровоточит та песня глубокой раной...

- Смерть всегда нелепа... - промолвил оборвав песню Игнат, - ведь никто не желает умирать. А молодость стремится к жизни по – особому. Помню, как в перестрелке погиб парень. А нам всё казалось, что он живой, рядом. В такие моменты всегда была одна мысль, отчаянно стучавшая в голове: очень хочется жить...

А в Союз «чёрные тюльпаны» доставляли груз № 200 – цинковые гробы, в которых и тел – то погибших, порой, не было... Невозможно их было собрать во что – то целое после кровавой мясорубки, так называемых боевых действий. Мы об этом знаем из печати. А они, солдаты Афгана, видели всё это своими глазами. Но рассказывать об этом выше их сил. Поэтому и предпочитают молчать. И только душа, порою, озлобляется, когда несправедливо брошен упрек в адрес ребят, прошедших дорогами той, оказывается никому не нужной, войны. Но это сегодня.

- А тогда, - продолжил Толя Бахметов, - мы считали, что это нужно. Что выполняем долг. И было чувство гордости. Мы стремились научить жить афганцев на советский манер. Ведь нам казалось, что мы живём очень правильно. А получилось, что это никому не надо. И отношения между двумя сторонами афганцев – это их внутреннее дело. Столько лет прошло, как наши войска выведены из Афгана, а они как воевали, так и воюют...

- И всё – таки вы участвовали в боевых действиях. Какие – то эпизоды запомнились? – попыталась Людмила «выжать» из собеседников.

- Запомнились... Хотите смешное расскажу? - попытался увести разговор в сторону Серёжа Ожегов. – Было это, когда мы вышли на Хост. Затишье. Ушли мы с ребятами за палатку, костерок развели, тесто замесали и начали блинчики печь. Шутим, смеёмся. Совсем, как дома на пикничок вышли. И вдруг обстрел. Снаряды полетели: недолёт – перелёт, только «вжи-и-и-к», и вдруг один как жажнет метрах в 15 – ти от нас. Упал и лежит. Не взрывается. А нас как ветром всех в сторону. Разбежались. Затихли. Ждём. Все в готовности. А он так и не взорвался. И вот тут буквально все закатились нервным смехом. Друг над другом смеялись. И, наверное, над тем, что краем прошла опасность, лишь холодком от неё потянуло...

- А если всерьёз, - продолжил разговор Анатолий, - то боевые действия были жестокими. Не щадили никого. Ни они нас, ни мы их. Стреляли. Видели кровь, огонь, смерть. И выжили. Вернулись домой. Долго ещё после Афгана стояло это в глазах и днём, и ночью. Заводились с полуоборота. И до сей поры даёт себя знать то, что испытали...

- А знаете, ребята, - неожиданно выдала Людмила, - я вот слушала вас и не поверите – стихи написала... Послушайте.

Память болью в сердце стучится:
Не даёт покоя она.
И ночами солдатам снится
Бестолковая эта война.
Там под знойным афганским небом,

Где песок забивает рот,
Никакой гарантии не было
Кто вернётся, а кто умрёт.
И когда вдруг после атаки
Лучший друг не вернулся в строй,
Ты, уткнувшись в ладони, плакал,
Что убит он. А ты – живой.
Улетит на «Чёрном тюльпане»
Этот груз, что под кодом «200»...
И заплачет отчаянно мама,
И придёт вся в чёрном невеста...
Лишь солдаты Афгана помнят
Мясорубку кровавых лет...
Только очень жаль, что сегодня
В той войне виноватых нет.

Она замолчала. Будто поставила последнюю точку в этой встрече. Ребята тоже молчали.
И, наконец, Игнат совсем тихо сказал:

- Здорово. Я обязательно подберу мелодию и сделаю это песней.

Письма от Егора приходили часто. Длинные. Написанные романтично, а порой с живым юмором, они вызывали у Людки интерес. Она часто читала их, будто увлекательную книгу. Иногда перечитывала, стараясь увидеть между строк улыбку Егора, услышать его голос. Он писал обо всём: о тренировочных занятиях по военной подготовке, о марш – бросках, каких – то учениях, о друзьях – сослуживцах. Но никогда не заикливался на трудностях, на том, как скучает по родному краю. В своих описаниях находил шуточные моменты и вкладывал в них столько юмора, что Людка не могла читать письма без улыбки. А бывало от души хохотала. Часто в конвертах находила фотографии. На всех Егор улыбался своей очаровательной улыбкой. Подписи на фото тоже сквозили шутками навроде: «Чтоб спалось тебе спокойно, службу я несую достойно!», или «Светел разум! Ясен взор! Верный твой солдат – Гор – Гор!»

Однажды Егор прислал стихи. Автор остался для Людки неизвестен. Только было в тех стихах много искренности. Она невольно запомнила наизусть простые строки:

Кто сказал, что лгут в любви солдаты!?
Вызвать болтунов на строгий суд!
То они во многом виноваты,
Что порой нас девушки не ждут...
Я сужу о том не понаслышке:
Сам хожу в солдатских сапогах.
Сам люблю уже два года с лишним
Ту, что ждёт меня в родных краях.

Антон, между тем, растворился где – то в городе, куда уехал той весной после последней их с Людкой встречи. Поговаривали, что там он женился и теперь живёт и работает в областном центре. В деревню он не приезжал. Людка старалась не вспоминать о нём. Только во сне часто снились ей встречи с Антоном, тёплые майские вечера, цветущая сирень, прогулки по тенистым аллеям парка, любимые глаза. Она просыпалась с хорошим настроением, и ещё какое – то время не открывала глаза, пытаясь продлить радостное ощущение счастливой встречи с Антоном. Она по – прежнему любила его, и

душа её рвалась в этот сладостный плен безответной любви.

Ноябрь выдался снежным и морозным. Ранняя зима ворвалась незваной гостьей. Октябрьские праздники встречали в зимней одежде. Традиционно праздничная демонстрация прошла на заснеженной центральной площади Светлогорска. Трудовые коллективы и школьники с флагами и транспарантами под звуки марша, с криками «Ура!» и «Слава!» отчеканили шаг мимо трибун и люди разошлись в тёплые дома и квартиры отмечать «красный день календаря»...

Вечером сельчане собрались в клубе на мероприятие организованное в честь праздника. Местные самодеятельные артисты подготовили концерт. Дети вдохновенно читали стихи, танцевали. Взрослые исполнили сольные и вокальной группой песни. Тёплые аплодисменты сопровождали каждое выступление. Атмосфера приподнятого настроения царила в зале. После завершения концертной программы старшие оживлённо покинули зал, а молодёжь ждала танцы. Шумной толпой ввалились ребята. Здоровались за руку, смеялись, шутили. Девчата стайками собрались у стенок уютного зала. Звучала музыка. Первые пары выходили на круг.

В какой – то момент, будто из – под земли, встал перед Людкой... Антон. Она от удивления широко распахнула глаза, не успела убрать с раскрасневшегося лица улыбку. Так и смотрела на него : растерянно, ошарашено. Он, в свою очередь, уже взял её за руку и повёл в круг танцующих. Людка, ничего не понимая, будто во сне двигалась в ритм музыке, полностью покоряясь уверенным движениям ведущего её в танце Антона. Она даже на мгновение закрыла глаза и отчаянно помотала головой, пытаясь будто избавиться от сна. Но это была реальность. Самая настоящая.

- Добрый вечер, Людочка! – сказал, наклонившись к ней, Антон.

-...Здравствуй..., - еле слышно прошептала она.

- Я рад нашей встрече. Очень хотел увидеть тебя сегодня... А ты повзрослела. Похорошела... Соскучился по тебе...

Он ещё что – то взволнованно говорил, но в висках у Людки стучали громкие молоточки, которые не позволяли сосредоточиться на одной мысли. Рассыпаясь мелкими частичками, они не давали собрать воедино испытываемые чувства.

Наконец, взяв себя в руки, она усилием воли заставила себя поднять на него взгляд. Его глаза, серые, ясные, улыбающиеся, были так близко. Такие дорогие, знакомыми, любимыми. Только не хотелось Людке раствориться в этом ласковом взгляде, утонуть в нём. Она опять боялась обмануться. Ведь такое было не раз. Он возвращался и исчезал... А она опять плакала. Нет! Хватит! У неё есть Егор! Его письма... Пусть нет той любви, как к Антону, он ей безразличен. Он ей нравится. Он надёжный, открытый, не способный к лести и обиде. В конце концов, пора ей, Людке, иметь самолюбие, простую девичью гордость, чтобы не поддаться на очередную выходку Антона.

- Что тебе надо? – неожиданно для себя спросила Людка. – Оставь меня... Ты же, кажется, женился...

- Уже нет. – ответил он. Не сложилось у меня. Поспешил жениться. Разбежались. Спрашиваешь что мне надо? С тобой быть! Ты самая надёжная для меня. Я это теперь понял...

- Нет, Антон.- уверенно оборвала его Людка. – Мы чужие. Наш поезд ушёл. Прости. Нам дальше не по пути.

- Ты уже не любишь меня? – спросил он.

Она молчала. Не знала что ответить. Танец, между тем, закончился. Как и раньше, Антон довёл её до группы девчат – подружек и отошёл. Людка спешно повернулась и вышла в фойе. В раздевалке она нашла своё пальто, накинула его, и выбежав на улицу, быстро направилась в сторону дома. Он догнал её уже на середине пути. Обхватил за плечи, повернул лицом к себе.

- Почему ты ушла, Люда? Ты не ответила на мой вопрос.

- Уходи, Антон... Я не хочу ни о чём говорить...Прощай...

Она освободилась от его рук и вошла в калитку, закрыв её за собой. Удушливым комком стояли в горле слёзы. Неслышно струились по щекам. Теперь можно было дать волю эмоциям.

Никому и никогда Людмила не рассказывала о последней встрече с Антоном. Он был и остался для неё единственной любовью. Но вычеркнуть его из своей судьбы надо было бесповоротно. И она это сделала в тот холодный ноябрьский вечер.

А после Нового года она уехала из Светлогорска в большое село с красивым названием Ромашково, стала работать в профтехучилище учителем русского языка и литературы. В Светлогорск навещалась нечасто. Встречалась с подружками. Об Антоне ничего не желала слышать.

А подруги у неё были самые близкие и надёжные. Дружили с детских лет. Все жили по – соседству. Такой верной дружбе можно было позавидовать. Они делили друг с другом и радости и огорчения. Знали все свои девичьи секреты и поддерживали в трудные минуты. Их было шестеро: две Оли, Женя, Нина, Таня и она – Люда. Вместе росли, играли в куклы, детские игры, купались в речке, ходили в лес. Когда подросли, вместе бегали на танцульки. А потом у каждой появилась первая любовь. У кого – то счастливая, у кого – то безответная. Открывали друг другу свою душу, делились заветными мечтами, сокровенными мыслями и чувствами. В клуб ходили дружной компанией. Возвращались тоже почти всегда вместе, наполняя деревенскую улицу звонкими песнями.

Первую свадьбу отгуляли у Оли Белкиной. Потом вышла замуж Женя Соломина. Почти одновременно соединили свои судьбы со вторыми половинками Оля Сёмина и Танюха Корнеева. Вскоре встретила единственного Ниночка Томина... Через год появились в семьях первенцы. Счастье пришло к подружкам. И только она, Люда Крапивина, оставалась одна. Иногда сама себе она казалась неким изгоем. Хотя никому никогда не высказывала своего беспокойства. «Знать ещё не судьба...» _ успокаивала она себя. Тем не менее, глядя на хлопоты подруг, испытывала непонятное чувство какой – то неустроенности. Хотелось так же, как они, катать в коляске малыша, варить борщи, ждать с работы мужа, хлопотать по дому. И быть счастливой от семейной суеты, материнских забот.

Только дружба шестерых не прекратилась. Она лишь перешла на новый уровень. Теперь девчонки, как они себя величали, всё чаще при встречах рассказывали о мужьях, о детях. Людка не чувствовала себя лишней рядом с подружками. Она слушала их счастливые рассуждения и радовалась их семейному счастью. И хотя собственная жизнь не успела вот так устроиться, она с удовольствием встречалась с девчонками.

Когда и как свела её судьба с Анюткой Гришаевой она как – то и не заметила. Их семья приехала в деревню в конце лета. Аня была весёлой хохотушкой, общительной и открытой девчонкой. Она как – то сразу привязалась к Людмиле, частенько прибегала к ней просто поболтать, иногда оставалась у неё ночевать. Людкина мама, Татьяна Семёновна, привечала девчонку, относилась к ней уважительно. Иногда Люда с Аней ходили в сельский клуб на танцы. Постепенно их общение переросло в дружбу. Хотя была Анька на три года младше Людки, это не чувствовалось в их общении. Они делились своими маленькими секретами. Когда Анютка начала встречаться с Мишей Юриным, Людка от души радовалась за подругу и хотела ей настоящего счастья, тем более знала, что Мишка ей нравится.

Егор пришёл из армии в начале декабря. Людка приехала домой на выходные. Старшая сестра Шура сразу выдала радостную весть:

- Егор вчера приходил, спрашивал, когда ты приедешь. Ждёт тебя. Возмужал. Думаю, тебе надо самой сходить к нему.

- Ну, вот завтра и схожу, - ответила Людка.

Утром она отправилась за реку, в Светлогорск. Утро выдалось солнечное, морозное. Деревья красиво стояли в инее. В саду на раскидистой яблоне устроились красногрудые снегири, на рябине весёлые хохлатки – свистели бойко клевали ягоды – рубины. Настроение у Людмилы было приподнятое. Она ожидала встречи с Егором с внутренним трепетом.

Егора дома не оказалось. Его мама, Екатерина Ефимовна, сказала, что он у друга – Толи Ожегова – что живёт на соседней улице. Людка отправилась туда. Парней она встретила не доходя до Толькиного дома. Они шли ей навстречу о чём – то оживлённо беседуя. Егор, увидев девушку, бросился к ней, заключил в объятия и прижал к себе. Радостно и восторженно затараторил:

- Людок! Как я долго ждал этой встречи! Скучал по тебе! Рад тебя видеть... Ты большая молодец, что пришла. Теперь не отпущу тебя ни на шаг. Идём быстрее ко мне. Так много надо сказать тебе...

Простившись с Толиком, они направились к дому Егора.

Долго и увлечённо он рассказывал о далёкой заставе, где служил, о ребятах, с которыми дружил и нёс нелёгкую службу, о том, как ехал домой и грезил встречей с родными, друзьями, с ней...

Она, в свою очередь, делилась мыслями о своей работе, о том, как нравится ей вести уроки, заниматься кружковой работой, проводить общественные мероприятия.

Вечером они наведались к Людке. На другой день ей надо было ехать в Ромашково. Егор сказал, что поедет с ней. Не хотел расставаться. Казалось, что теперь так будет всегда.

Татьяна Семёновна, собирая дочь в дорогу, радовалась, что у ребят всё хорошо, что они счастливы. Но в то же время где – то в душе затаилась непонятная тревога. Улучив минутку, она шептала Людке:

- Будь осторожна, доченька. Не теряй голову. Надо, чтоб всё было обдуманно, взвешенно. Помни: ты девушка. Лишнего не позволяй. Людка с улыбкой слушала наставления матери.

- Не волнуйся, мамочка. Я достаточно взрослая и знаю разницу меж чувством и разумом. К тому же к Егору нет той страстной любви, от которой теряют голову. Он просто нравится мне. Только я уж не девочка – подросток, чтобы бездумно бросаться в омут чувств. Всё будет хорошо.

- Правильно, Людочка. Ты моя умница. Я верю, что ты понимаешь меня. Коли Егор твоя судьба, то будет с тобой. А коли нет... Время покажет.

Дни пошли своим чередом. Воскресные встречи Люды и Егора были их общей радостью. Встретили новогодние праздники. Вместе радовались первой весенней капели, прилетевшим скворцам, молодой зелени трав и майским листочкам на белых берёзах. Егор устроился работать тренером в Светлогорскую спортивную школу. Людмила планировала после завершения учебного года вернуться на прежнее место работы – в школу.

Май выдался тёплым и солнечным. В садах до кипения цвела сирень. Её аромат заполнял деревенскую улицу, плыл сиреневым туманом, дурманил. Казалось, и небо, и солнце, и вся земля тонут в этом мареве цветущей сирени.

Людка, сидя у раскрытого окна, подолгу смотрела в деревенскую улицу. Порой, ей чудилось, что вот теперь подойдёт к окну Антон с огромным букетом сирени и улыбнётся ей знакомой улыбкой. Протянет цветы, и она растворится в этом мгновении счастья, любви. Но она обрывала эти мысли, не позволяла им занимать воображение.

Вечером приходил Егор. Они гуляли по знакомой улице или же шли за реку в Светлогорск или просто сидели в комнате, слушая музыку.

Как – то в такой момент в комнату вошла Татьяна Семёновна.

- А что, тётя Таня, - улыбнулся Егор, - вот если мы с Людой уедем жить в город, к брату моему, Вы не против?

Татьяна Семёновна растерянно посмотрела на Людку. Ничего подобного не говорила ей дочь, никуда вроде не собиралась ехать. Вот и теперь сидела с удивлённым взглядом, не понимая такого вопроса Егора.

- Что – то я не совсем в курсе, Егор. – ответила меж тем Татьяна Семёновна.

- Да, что непонятного, тётя Таня, - пора уж нам с Людой в одну судьбу определяться, - заключил Егор.

- Что – то и я не понимаю, - вступила в беседу Людка, - ты мне замуж что ли предлагаешь? - Так вроде эту тему мы не обсуждали.

- Вот и давайте обсудим, - уверенно произнёс Егор.

- Такой вопрос несколько по – иному решается, - растерянно сказала Татьяна Семёновна. – Во – первых, я даже твоих родителей не знаю. К тому же никто Люду не сватал. Вроде как – то неправильно это...

- В чём проблема – то? – не то спросил, не то удивился Егор. – Люда меня из армии ждала. Теперь вот сколько времени встречаемся – гуляем. Потому и думаю, что надо нам жизнь свою в иное русло направлять.

- Стоп! – резко подняла руки вверх Людка. – Давай сперва сами вопрос обсудим, а уж потом родителей будем напрягать.

Она встала и вышла из комнаты. Татьяна Семёновна неловко пожала плечами и последовала за ней. Так ни на чём и закончился этот разговор.

Вечером молодые ушли гулять в Светлогорск. А на следующий день Людка уехала в своё Ромашково.

Июньский дождик быстро и весело пробежал по сухой растрескавшейся земле, по зелёным кронам деревьев, по буйно цветущим ромашкам. В воздухе запахло свежестью и озоном. Лёгкие тучки вмиг улетели к востоку, а солнце залило округу ярким сиянием. Капли дождя блестели на листьях, на траве, на цветах. Яркой дугой перекинулась над Светлогорском радуга. Людмила с улыбкой смотрела на цветное семицветное коромысло радуги и отчего – то твердила мысленно известное из детства изречение: « Каждый охотник желает знать, где сидят фазаны... » Так в детстве мама учила её запоминанию цветов радуги. И вот теперь, глядя на цветную дугу, Людка вспомнила детскую радость, что испытывала всякий раз после летнего дождя, когда тёплые лужи пенились белой пеной. А они, ребяташки, бежали по ним, расплёскивая вокруг яркие солнечные брызги, а в небе также стояла красавица – радуга, которая одним концом уходила за деревенские холмы за околицей, а другим опускалась куда – то в речку Светлую. И казалось запросто можно добежать до этого начала радуги и по ней взобраться высоко в синее небо умытое дождём.

Счастливые воспоминания. Не хотелось отвлекаться от них. Тем более спешить было некуда. Наступило время долгожданного отпуска. В лесу, говорят, уже появилась земляника. Накануне Егор принёс в пакете красивые и ароматные подберёзовики. А до чего вкусными они получились! Уплетали, сидя за столом во дворе, за милую душу. Татьяна Семёновна поставила на стол маленький графинчик с янтарной вишнёвой наливочкой, которая приятно вписалась в благодатный ужин на лоне природы. Потом Людмила с Егором ушли погулять. Дошли до реки, постояли на берегу. За разговором незаметно перешли по мосту на другую сторону, прошли улицей, и как – то неспешно дошли до дома Егора.

- Зайдём? – спросил он.

- Ага, - ответила она.

Его комната имела отдельный от родительского дома вход. Он открыл дверь ключом, по – джентльменски пригласил её войти. В маленькой кухонке они согрели чайник, Егор достал из шкафа баночку малинового варенья, коробку конфет, упаковку печенья и они устроили весёлое чаепитие. Потом, усевшись на диван, смотрели дембельский фотоальбом Егора. Он увлеченно рассказывал о каждой очередной фотографии. За окном, между тем, опускалась прохлада вечера...

Неожиданно Егор обнял Людку, поцеловал сначала нежно, потом чуть настойчивее. Его горячие руки прижимали её всё сильнее. Вдруг они заскользили куда – то вниз, он чуть наклонил её, пытаясь теснее прижать к себе...

Людка вздрогнула. Резко дёрнулась. Отстранилась настойчивым движением.

- Что ты, Людок? – прошептал Егор. – Мы ведь поженимся скоро...

Он вновь попытался притянуть её.

- Нет!- резко оттолкнула его руки Людка, - Кто тебе сказал, что поженимся? Не было ведь никакого разговора об этом. Никто меня за тебя не высватывал...

Она быстро поднялась и шагнула к двери...

- Проводи меня, - тихо сказала она.

- Хорошо, - ответил Егор.

Потом помолчал и добавил:

- Просто ты не любишь меня. Всё по Антону своему страдаешь. А он уж давно забыл тебя. У него теперь семья. А ты ему не нужна. А я тебя люблю.

Егор проводил Людку до дома. Но в гости не зашёл. Всю дорогу они молчали. Молча расстались.

До конца июня Егор не приходил к ней. Она, собственно, и не переживала. Только Татьяна Семёновна как – то спросила:

- Люда, а что Егор, куда исчез?

- Некогда, наверное. На работе, - ответила Людка.

На том и завершился разговор.

Между тем, наступил День Молодёжи. В центральном парке Светлогорска организовалось традиционное празднование. Людка с Анькой весело щебетали, собираясь на торжество. Людка надела свой любимый наряд – голубой сарафан в крупный белый горох. Он сидел на ней красиво и изящно. Анютка попросила у неё розовую блузочку с белыми ромашками, которая очень гармонировала с её лёгкой бежевой юбочкой. Нарядившись, девчонки направились в парк, где вовсю уже кипело праздничное веселье. Посмотрев программу, Люда с Аней подошли к торговой палатке, купили мороженое и весело направились к выходу.

-Домой? – спросила Аня.

- Домой! – кивнула Люда.

И они, уплетая прохладное мороженое, пошагали в сторону дома.

- Ты не забыла, что сегодня мы приглашены на день рождения к Люське Горяевой?

- Нет, конечно, - засмеялась Людка. – Сейчас букет ей красивый у мамы организуем.

А подарок мы уже купили. Так что к пяти пойдём.

Анютка оглянулась и прошептала Людке:

- Там за нами Егор с Толиком идут. Не оглядывайся. Они уже близко.

Вскоре парни догнали их.

- Добрый день королевам! – весело приветствовал Толик.

- Привет! – отреагировали девчата.

Егор сдержанно поздоровался. Все вместе перешли мост и по узкой тропинке, что вилась по лугу в сторону деревни, зашагали вперёд.

- Куда идём?- поинтересовался Толик.

- Да пока ко мне, а потом на день рождения к подруге, - ответила Люда.

Егор и Аня шли чуть позади за ней и Толькой. О чём они говорили Люда не слышала, только весёлый смех Анютки доносился до неё.

Дома их ждал горячий пирог с капустой, свежий овощной салат. Пили холодный компот с горячим пирогом и непринуждённо разговаривали о разном. Улучив момент, Аня шепнула подруге:

- О тебе с Егором разговаривали. Помирился хочет. Собираются с нами к Люське на день рождения.

К пяти часам все вместе заявили к имениннице. За столом было шумно и весело. Поздравления текли рекой. Раскрасневшаяся Люська принимала подарки и букеты. Звенели бокалы с пенящимся шампанским, играла музыка. Потом начались танцы. Весь вечер Анютка танцевала с Егором. К Люде он не подошёл. Когда в конце вечера они неожиданно исчезли, расстроенная Людка ушла домой. Войдя в комнату, она увидела накинутую на спинку стула свою блузку. Поняла, что Аня приходила переодеться в своё. Татьяна Семёновна, заметив растерянность дочери, сказала:

- Аня приходила. Переделась. За воротами её ждал Егор. Ушли куда – то вместе. Что случилось, Люда?

Ничего, мама, - ответила Людмила и ушла в свою комнату.

Осенью Аня вышла замуж за Егора.

Сказать, что расстроилась, Людмила не могла. Просто было неприятно. Ведь по большому счёту получалось, что её предали люди, которым она доверяла. Конечно, Егор ей нравился, ей с ним было легко. Она за время, что были вместе, привыкла, что он всегда понимает её, стремится поддержать, делится своими планами. Привыкла, что он рядом. А вот рана, нанесённая Аней, была особенно болезненной. Ведь Людмила считала её подругой. А это в её понимании было святым. Иначе, как предательство, она не расценивала её поступок.

Как- то встретила её бывшая одноклассница Зинка Рябова. Поболтали о том – о сём. Неожиданно Зинка любопытствовала:

- А что, Людка, не сложилось у тебя с Гор – Гором? Мы ведь считали, что вы обязательно вместе будете.

- Не сложилось, Зина. Видно не судьба, - как можно равнодушнее ответила Людка

- Довелось мне побывать на их свадьбе. Егор ведь с моим Гринькой друзьями были. Вот и пригласил нас. А Анька – то какова! Быстро охмурила Егорку! Да ещё и довольна собой осталась. Верка Зотеева прямо на свадьбе ей сказала: «Отчаянная ты, Анька! Быстро парня в ЗАГС затащила!» А она такая довольная. И ответа не заставила долго ждать. «Ага, - говорит, - я такая! У подружки жениха увела!»

Людка с трудом проглотила обидные слова.

- Не хочу я, Зина, об этом говорить... В конце концов, это был его выбор. Пусть будут совет, да любовь.

На том и завершилась ещё одна страница несчастливой Людкиной судьбы.

Стоял последний день августа. Ещё одно лето, прощалось, уходило, оставляя светлые и тёплые воспоминания о бесконечности нашего движения во времени. Где – то когда – то прочитанные Людмилой строки «за жарким летом снова будет осень косым дождём дорожки поливать...» назойливо крутились в голове. А август уже вплёл в зелёные ещё кроны берёз жёлтые веточки, будто раннюю седину в причёску женщины. В палисадниках буйствовало яркое разноцветье, радуя глаза красками любимых цветов. Солнышко ещё ласково разбрасывало лучи. Но вокруг уже чувствовалось дыхание осени: холодные утренние росы на травах; исчезнувшее щебетание птиц; отдалённое гортанное курлыкание журавлей на дальних выгоревших лугах, где собираются они перед предстоящим отлётом

в тёплые края; хлопотные заботы сельчан на огородах; прогнувшиеся от изобилия плодов тяжёлые ветки яблонь в садах... А в сельхозпредприятиях уже начались уборочные работы. Людмила любила это время года. Ей нравилось бывать на полях, где набирала обороты осенняя жатва, где, образно выражаясь, начиналась битва за хлеб! Вот и сегодня ей предстояло сделать яркий материал с поля.

Героем она выбрала молодого механизатора Ивана Хлопотова из Ожеговки, где, вопреки всем перестройкам и преобразованиям последних лет, сохранился колхоз со старым названием «Путь к коммунизму». Коммунизм давным – давно, поистине, стал призраком, но путь к нему на удивление видно продолжал маячить. Старый, опытный председатель колхоза Борис Григорьевич Баринов не только сохранил прежнее название коллективного хозяйства, но и сумел не допустить его развала. Уж какими путями он этого достиг, было неведомо районным властям, но колхоз продолжал жить, пусть трудно, но сохраняя былую славу, костяк коллектива. Не просто хозяйство держалось на плаву, а находило возможность приобретать новую технику, обновлять производственную базу, иметь свой семенной фонд. За тяжелейшие годы реформ не было потеряно ни гектара пахотных земель. Баринов буквально сражался за своё хозяйство. И его рьяно поддерживали земляки. Всю зиму ожеговцы добросовестно перебирали – латали старую технику, каждая шестерёнка, каждый винтик проходили через их руки, чтобы надёжно встать на своё место. На новую технику средства собирали всем колхозом. Вносили кто сколько мог. И это при том, что надо было самим выживать, одевать и учить детей, кормить семьи. Благо, что прежде богатый колхоз имел надёжную основу: хорошее колхозное жильё, у каждого крепкое подсобное хозяйство. Ожеговцы выстояли в те нелёгкие времена. Нашли пути остаться на родной земле и не предать малую родину. Баринов сплотил своих земляков, будто крепче притянул их к отчине. Все три колхозные деревни были как островок, хранимый Всевышним среди бушующего урагана непогоды в степи. Издавна в колхозе работали династии хлеборобов. Отец передавал своё дело сыну. Когда – то и Боря Баринов пришёл на смену отцу Григорию Ефимовичу, пахавшему ожеговские поля вслед за его отцом Ефимом Бариновым. Борис Баринову не дал бог сына, однако на смену пришёл зять Виктор, а уж нынешний передовик Ванюшка Хлопотов приходится внуком. Его – то и выбрала Людмила Завьялова героем своего будущего очерка. В поле она приехала утром. Работа уже кипела вовсю. На том конце поля двигались крошечные комбайны, казавшиеся на фоне безоблачного неба тёмными букашками. Редакционная «шестёрка» остановилась на полевой дорожке у берёзового колка. Людмила и фотокор Максим Колотыгин устроились в тенёчке, чтобы дождаться, когда комбайн прибудет на этот край. Приехавший с ними агроном, конечно, спешил по своим делам, но всё – таки охотно рассказывал о том, как идёт работа на жатве и подробнее о передовике Иване Хлопотове.

А поле, раскинувшееся до самого горизонта, было действительно золотым. Оно волновалось под лёгкими порывами ветерка, шумело загадочно и ласково. Тяжёлые колосья стояли чуть склонившись и, казалось, светились налитым зерном. Красота! Людмила вышла в густоту поля, наклонила над ладонью чуть шероховатые колосья и нашелушила в горсть тёплое янтарное зерно. Сдула сухую шелуху и, довольная, положила зерно на язык. Чуть сладковатое на вкус оно жевалось легко и приятно.

Комбайн Ивана уже приближался и не выглядел той тёмной букашкой, как на том конце поля, он имел вполне реальные очертания, даже был виден сидящий за штурвалом комбайнёр, слышался гул мотора.

Встреча на краю пшеничного поля была недолгой. Иван, вытерев тряпкой пыльное лицо, улыбнулся приветливо и чуть застенчиво, коротко бросил:

- Не люблю я о себе рассказывать. Работаю и работаю. Как все. Просто стараюсь всё на совесть делать. Люблю поле. Нравится, что труд мой не напрасно славен. Ведь известно, что хлеб – всему голова. А значит, важен и нужен.

- А почему ты, Иван, этот труд выбрал, а не иной? Ведь мог и в город уехать. Парень ты грамотный, спортсмен, - начала беседу Людмила.

- Нет. - твёрдо ответил Иван, - Я пришёл работать в сельское хозяйство, потому что мне нравится этот простор, техника. Я, можно сказать, вырос в поле, когда мальчишкой бывал здесь с отцом в дни осенней страды. Ему благодарен за любовь к труду хлебороба, что привил он мне. Где ещё можно увидеть этот вольный простор, почувствовать свежий ветер, ощутить радость приобщения к значимости своего труда! Разве можно остаться равнодушным, когда бункер комбайна наполняется солнечным зерном! Когда его тяжесть можно почувствовать, зачерпнув в ладони, а потом сыпать, будто золото! Это гордость и счастье, которые проходят через самое сердце!

Людмила слушала эти слова молодого комбайнёра, будто волшебные звуки мелодии, что шла из глубины души. А он рассказывал о том, как осваивал новую технику, стремился к трудовому подвигу, как каждая уборочная страда для него становится праздником. Вот и теперь он с гордостью работает на новом современном комбайне марки «Джон Дир», держит лидерство.

- А вот и отец подрос, - улыбнулся Иван, бросив взгляд на подошедший к краю поля второй комбайн. – Он для меня не просто наставник, а главный жизненный ориентир.

Людмила поспешила к комбайну. Не могла она не побеседовать с хлеборобом, чьё имя много лет значилось в числе лучших тружеников хлебной нивы в районе. Виктор Хлопотов был хорошо знаком Людмиле, ведь когда – то ей довелось писать о трудовых достижениях знатного хлебороба.

Виктор тепло поприветствовал корреспондента.

- Вот, теперь сын нашу хлеборобскую славу продолжает, - отметил он с улыбкой, - Ванюха с детства любил в поле работать. Нравилось ему помогать мне на полевых работах. С желанием всё делал: то ключ принесёт, то гайку подтянет. Так и прикипел душой к сельскому труду, к земле – матушке.

Попрощавшись с хлеборобами, журналисты довольные возвращались в родные пенаты. Творческая командировка имела успех, позволила Людмиле испытать эмоциональную удовлетворённость.

Утром она принесла готовый материал. До поздней ночи писала. Очерк получился эмоциональным. Удачные сюжетные фотоснимки, сделанные Максимом, ярко дополняли его. Вставленные фонарики несли дополнительную информацию. Новая заместительша редактора Валентина Крутых вызвала её после обеда. На её рабочем столе лежал Людмилин материал с жирными красными метками на листах.

- Посмотрела я Ваш очерк, - сдержанно сказала она. – Неплохо. Только вот, Люда, придётся сократить. Слишком много лирики. Подать надо покороче и конкретнее. Побольше цифр, позволяющих увидеть, что это передовик. Должно же быть сравнение его показателей с другими. А у Вас он выглядит не совсем лучшим, поскольку нет соперников рядом...

Выслушав тираду мыслей начальницы, Людмила твёрдо ответила:

- Ничего я сокращать не буду. Именно лирические моменты помогают высветить личность моего героя, широту его души, любовь к делу, верность земле. Он показан таким, как есть. Кстати, вот такие материалы, с художественным уклоном, с лирикой, любят мои читатели. А что касается цифр, так они совершенно не нужны людям, которые будут читать публикацию. Это же не сводка о сельхозработах. К тому же главные показатели его успеха – скошено площадей, валовой намолот - даны в фонарике. Сравнить же его с другими участниками жатвы просто некорректно. Все работают добросовестно. Высвечивать его на фоне других нет необходимости.

- Что же, - недовольно парировала Валентина, - Вам виднее... Пусть редактор смотрит материал.

Уже вслед уходящей Людмиле иронично бросила:

- Вам бы книги писать с такой лирикой...

В кабинете Людмила нервно уставилась в компьютер. Ничего не видя на экране монитора, старалась взять себя в руки, успокоиться. Ничего же не произошло. Очередная стычка с Валентиной. В последнее время таковые случались нередко. И хотя она не вступала в резкие конфликты, чувствовалось раздражение, точнее непонятное напряжение. «Должно быть наши звёзды разные, знаки Зодиака резко противодействуют друг другу» - думала Людмила. У неё никогда не случались какие – либо непонимания в коллективе. И вот теперь она переживала из – за этого противостояния с заместительшей. Даже подумывала о том, что надо просто уйти с работы. Хотя любила своё дело до глубины души. Любила за творческие поездки в отдалённые деревни, за встречи с людьми, за умение перевоплощаться в самые разные профессии, за всё, что таила в себе волшебная страна «Журналистика». Ей нравилось разворачивать свежий помер родной газеты, пахнувший типографской краской, видеть на полосах готовые материалы со знакомыми подписями коллег, чёткие снимки, снятые фотокором... Работа для неё была той гаванью, куда спешила она с любовью и желанием. Это была часть её жизни.

Вечером Людмилу пригласила редактор Елена Олеговна.

- Хорошо, Людмила, написала. Я с удовольствием прочитала. Отдала в печать. В этом номере и выйдет твоя полоса.

Помолчав, поинтересовалась:

- Только что у вас с Валентиной Игоревной случилось?

- Да всё нормально, - заверила Людмила, - немного разошлись во взглядах. Бывает.

Очерк «Отец и сын» вышел под рубрикой «Герои хлебной нивы». На очередной планёрке он был признан лучшим материалом недели.

В церкви было немногочленно. Лишь несколько старушек, да молодая женщина с девочкой лет пяти стояли у разных икон, прося каждый о своём. Литургия недавно закончилась. У алтаря горели свечи. Пахло ладаном. Вся атмосфера располагала к спокойствию, навевала благодать. Люда вошла в храм почти неслышно. Перекрестилась как – то взволнованно и даже торжественно. Поискала глазами иконы Христа – Спасителя и Матери Божьей.

Вчера вечером к ней в комнату зашла Татьяна Семёновна. Молча села напротив и внимательно посмотрела в глаза.

- Неважно выглядишь, доченька, - с затаённой печалью промолвила она. – Волнуюсь я за тебя. Надо тебе взять себя в руки, успокоиться. В конце концов не небо рухнуло. Это жизнь, Люда. Всякое случается...

- Знаю, мама, - тихо ответила Людмила. – Я всё понимаю... Только так мне тяжело далось это предательство... И Егор. Ладно бы расстались, как с Антоном и ушёл бы к другой, к незнакомой... А Аня... Тут вообще в голове не укладывается. Я ей, как сестре доверяла. А она... Знаю, всё проходит. И это пройдёт. Не переживай, мамочка, я справлюсь...

Она замолчала, опустив голову и с трудом сдерживая подступивший к горлу комок.

- Сходила бы ты, Люда, в церковь, - прервала молчание Татьяна Семёновна. – Надо снять тебе, родная, боль души. Помолись Господу, Пресвятой Богородице. Свечки поставь... Сходи, дочь...

И опять в комнате повисло напряжённое молчание.

- И вот ещё что, Люда, - продолжила мать, - не держи зла, да обиды. Это грех. Отпусти их от себя. Запомни: Господь милостив. Поставь свечи за здоровье тех, кто обидел... Всё у тебя будет хорошо. Ты сильная, ты справишься. Найди силы и прости...

Всю ночь Людмила думала над словами матери. Действительно, ничего самого страшного не произошло. Никто не умер. Не грянула катастрофа. «Не рухнуло небо», как выразилась мать.

Да, предательство – это страшно. Это тяжело. Но это – испытание. Его надо выдержать. Где – то она слышала, что испытания Господь даёт по мере сил наших. Значит, у неё достаточно сил для преодоления данного испытания. А помощи Божьей попросить не вредно. И утром Людмила направилась в Храм. Молитв она не знала. Но порывы души подсказывали нужные слова. Она со слезами на глазах рассказывала, стоя перед иконой, о той боли, что уже несколько месяцев терзала её, не отпускала ни днём, ни ночью. Она просила Господа помочь ей справиться с этой болью. У иконы Богородицы была прикреплена крупно напечатанная молитва. Её слова проникали в самую душу, будто трогали за живое её нежные тонкие струны:

« Царице моя Преблагая, надеждо моя Богородице...Зриши мою беду, зриши мою скорбь...», - шептали губы, а слёзы сами собою текли по щекам, - «Помоги мя яко немощну, окорми мя яко странна. Обиду мою веси разреши ту яко волиши...»

Людмила закончила читать молитву, и некоторое время стояла у иконы, вглядываясь в огромные ясные глаза Богородицы, и чувствовала, как уходит из души тяжесть, и будто незримо вливается успокоение, лёгкость. Она зажгла свечи и бережно поставила их за здоровье Егора, Ани...И Антона. Помолилась. Уже направляясь к выходу, неожиданно вернулась. Взяла ещё несколько свеч. Поставила их за здоровье мамы, сестры Шуры и её домочадцев. Одну свечу зажгла в другом уголке, у иконы распятого на кресте Христа, прочитав заупокойную молитву о рабе Божиим Степане... У выхода, троекратно перекрестившись, Людмила шагнула за порог Храма. Чувствовала она себя так, как будто заново увидела окружающий мир – синее небо, ясное солнце, зелёные деревья, цветущие клумбы... Подняла голову и, сощурившись, посмотрела на позолоченные купола и крест над церковью, от которых ярко отражались солнечные лучи. Душа её словно качалась в лёгкой колыбели неземной Благодати...

Ей снилось «Колесо обозрения». Оно медленно и размеренно вращалось. Внизу, как на ладони, были хорошо видны зелёные аллеи парка, водоём, карусели, качели, игровые площадки – всё то, что притягивало в парк и взрослых, и детей. А вдаль – город, с его кварталами, домами, заводскими трубами, движущимся как букашки авто и транспортом... Красота! Из всех видов аттракционов Людмила любила больше всего именно «Колесо обозрения». На нём она чувствовала себя умиротворённо. Лёгкий ветерок ласкал лицо, а мысли текли ровно, спокойно. Порой она совершала на нём по три – четыре оборота...

И вот сегодня ей снилось «Колесо». Было то состояние, когда не чувствуешь ничего кроме блаженства. Уже проснувшись, она лежала, не открывая глаз и, казалось, продолжала движение. На душе было легко и очень спокойно. «А что бы ни поехать в город, не сходить в парк? Не покружиться на «Колесе»? - подумала она.- Ведь до города лишь пятьдесят минут езды на автобусе. Сегодня воскресенье – выходной. И день прекрасный. И дел особо важных нет. Отдохнуть!»

Она решительно встала и начала собираться.

Июльский денёк выдался очень хорошим. В автобусе ехали не более десятка человек. Людмила села у окна и с удовольствием любовалась мелькающими за ним пейзажами – тянувшимся вдоль дороги то величественным сосновым бором, то светлыми берёзовыми колками, то бесконечностью раздольных, начинающих уже колоситься полей. А по обочинам тянулись цветущие плантации белых ромашек, жёлтого подмаринника, фиолетового иван – чая.

В городском парке было многолюдно. Играла музыка. Вверх – вниз летали качели, кружились карусели, неслись кабинки по страшным горкам, плавно крутились цветные лошадки для самых маленьких. Всё было как обычно. Людка купила билет на аттракцион и прошла к любимому «Колесу». Удобно устроилась в кабинке, пристегнулась ремешками безопасности. Медленно двигаясь по кругу, с удовольствием любовалась знакомыми картинами. Ей было очень хорошо. «Ну, вот видишь: подарила себе маленькую радость. Так сказать – исполнила каприз», - улыбаясь, думала Людка.

Она ещё погуляла по парку, уплела своё любимое шоколадное мороженое. Купила белую булочку и отламывая маленькие кусочки с удовольствием бросала голубям, рядышком расхаживающим у скамейки, где она уютненько устроилась. Время близилось к вечеру, и она отправилась на автовокзал. Как и в первый путь, пассажиров на рейс оказалось немного. Усевшись на облюбованное место у окна, Людка опять начала просматривать мелькающие за ним картины. Но каким – то чутьём чувствовала на себе пристальный взгляд сидящего наискосок молодого человека. На него она обратила внимание ещё там, у билетной кассы: среднего роста, сероглазый, с короткими аккуратно подстриженными тёмными волосами, он был одет в лёгкую полосатую тельняшку и светло – синие бриджи. «Дембельнулся недавно», - почему – то подумала Людка. Ещё один момент привлек её внимание: билет он брал до Ромашково. Но, ни разу за два учебных года Людка в селе его не видела.

- Девушка, - вторгся в её раздумья парень, - может познакомимся? За разговором и время быстрее пролетит.

Он улыбнулся и протянул руку:

- Андрей.

- Людмила, - ответила она, принимая рукопожатие. Он довольно крепко сжал её ладонь. В один момент пересел на свободное рядом с ней место. Продолжил знакомство:

- Родился, вырос и живу в посёлке Ромашково. Закончил школу. Недавно вот со службы вернулся. Ещё не успел на гражданке привыкнуть. Служил на флоте. Вот такие вехи моей скромной биографии. А Вы?

- Я из Светлогорска. Теперь работаю в Ромашково, в ГПТУ – 12, литературу преподаю.

- Вот это да! – обрадовался Андрей, - значит, в одном краю живём! А теперь куда едете?

- Домой, в Светлогорск. Я сейчас в отпуске.

Время за беседой пролетело быстрехонько. За кольцом автобус повернул в сторону Светлогорска. Вскоре показалась знакомая окраина. На автовокзале Людмила попрощалась с новым знакомым.

- До встречи, Люда, - улыбнулся Андрей. – Буду ждать тебя в конце августа.

- Пока! – кивнула Людка.

Творческие командировки были для Людмилы той благодатной почвой, которая давала энергию, новые находки для её мыслей, людей, чьи образы ложились в основу публикаций. Она возвращалась из поездок по району в приподнятом настроении, сюжетом очерка, репортажем или интервью. Около года назад она разработала новый проект публикаций «Точка на карте района», где взялась за освещение малых деревень, живших своей незавидной жизнью. Ясное дело, трудно выживали такие «точки»: ни перспективы развития, ни социальных объектов, ни работы... Молодёжь в большинстве своём покидает родной уголок, а старики коротают дни и годы. Но теплится ещё деревня. И о том каковы её проблемы, надежды, трудности и маленькие радости и рассказывала на тематических страницах «районки» Людмила Завьялова. В такие командировки она всегда ездила с удовольствием. Планировала их тщательно и привозила кучу информации. Писала быстро, так сказать «с колёс». Эти страницы являлись её любимым детищем. Их любили

читатели, ценили коллеги.

А вот в этот день она вернулась с каким – то непонятным осадком тягостного чувства на душе. Отчего? Она сама толком не понимала. Всё, как всегда, шло по намеченному сценарию: беседа с главой местной администрации о проблемах населения, встреча с деревенскими активистами, посещение молодой многодетной семьи, маленького клуба, где изредка собирались жители, чтобы обсудить насущные проблемы своего выживания. Даже в обветшалый крохотный магазинчик заглянула. Бойкая продавщица, женщина средних лет, грустно поведала, как трудно ей работать в этом «нищем магазине», где и продать – то доброго ничего не бывает. Так мелочовка!

- А деваться – то некуда. Вот и прозябаю в этой «мышеловке», - пожаловилась она.- Кто за сахаром зайдёт, кто за солью. Мужики только за куревом, да за «пойлом»...

Людмила даже познакомилась и побеседовала с казачьим атаманом. Не каждая деревня может похвастаться тем, что имеет на своей территории представителей казачества. А вот Васюткино – может. Станичный атаман Тимофей Васюков рассказал много интересного. Для встречи даже надел казачью одежду, высокую папаху и пристегнул саблю. Предстал перед гостьей во всём наряде бравого казака.

- Мы представляем здесь Оренбургское казачье войско. В моём подразделении десять казаков. Главное призвание казачества – служить России, а наша территория – это малая часть страны, поэтому задача для нас – сохранять покой и порядок в её пределах, - рапортовал он.

Потом Людмила направилась к старейшей жительнице деревни Матрёне Ниловне Дерябиной. Ей исполнилось 98! Стоп! Кажется вот она причина такого настроения у Людмилы. Прежде, чем пойти на встречу со старушкой, корреспондентский «уазик» подъехал к дому в центре деревни. Тут жила дочь Матрёны с семьёй. Забрав её, покатали к матери. Матрёнина избушка, низенькая, никудышная, стояла на деревенской окраине. Сразу бросился в глаза заросший до самых окон крапивой да полыньёю двор. Узенькая тропинка вела к ветхому с шаткими перильцами крылечку. В ограде, за развалившимся сгнившим заборчиком неприглядно топорщилась сухими ветками старая яблоня, да переплелись заросли малинника. Было жутко неуютно и как – то пустынно. Обветшалые сарайки, вероятно когда – то служившие баней да пригоном, сиротливо дополняли картину полнейшей разрухи. В другое время Людмила решила бы, что тут вообще никто не живёт. Ан, нет! Именно здесь, оказывается, предстояла ей встреча со старейшей жительницей деревни.

По шатким ступенькам Анна, дочь старушки, провела гостью в маленькие сени, и, открыв низкую, обитую грязным старым одеялом дверь, пригласила в избу. То, что увидела Людмила, не вписывается вообще ни в какие рамки. Грязные, давно небеленые стены, тенёты по углам, пыльные окна за непонятого цвета занавесками. Единственная маленькая лампочка под низким потолком, замызганная домотканая дорожка...

На провалившейся панцирной кровати под не то выгоревшим, не то грязным одеялом сидит закутанная в старый клетчатый полушалок старушка. Надетая тёплая кофта буквально лоснится от нечистоты. А в помещении стоит тяжёлый запах застоявшейся мочи. От всего этого убогого стойкого вида и запаха у Людмилы закружилась голова, подступил комок тошноты. Захотелось убежать от этого ужаса. Она с трудом преодолела себя и представилась старушке, ознакомила с целью своего визита. А в голове возникло неприязненное отношение к дочери. Стучала назойливая мысль: « Неужели мать в конце своей жизни не заслужила тепла и заботы? Как можно в такой грязи и убожестве держать самого близкого человека? Почему не привести в чистоту и порядок её жилище? Да и саму старушку не помыть, не одеть чистенько и аккуратно? Наверное, и внуки есть, чтоб позаботиться?» Вопросы без ответов роились в голове Людмилы. Ни разу за все годы работы в газете она не видела такой ситуации. Почему бы вообще Анне не взять мать к себе? Ведь в её большом доме нашёлся бы, наверное, уголок для матери.

А память у Матрёны Ниловны оказалась отменной. Несмотря на свой возраст, она доподлинно помнила вехи своей жизни: семью, в которой родилась и выросла, годы трудной молодости, коллективизацию, военное лихолетье и последующие периоды. Немало испытаний выпало на её долю. Особенно врезались в память годы войны. Трудилась она тогда трактористкой.

- Дали мне перед самой войной трактор – колёсник. В колхозе их имелось несколько, а управлять ими доверяли самым надёжным. Помню с какой радостью выводила его на поле. Пахала землю весной и осенью и гордилась, что вот я, простая деревенская девчонка, а управляюсь с железным конём. Испытывала такое удовлетворение, что и не высказать. А ведь в войну приходилось выполнять тяжёлую неженскую работу.

Матрёна на минуту замолчала, будто что – то вспоминая. Людмила не торопила её. Тоже молчала. Ей будто наяву виделась та девушка, что вела трактор по широкому полю и хлебородная земля ложилась вслед чёрными пластами и источала ни с чем несравнимый запах свежей пахоты. Вот такое молодое поколение вписало яркие страницы в историю нашей страны. А теперь вот сидит в грязной избушке старая женщина и доживает век в нищете на мизерную пенсию. Забыта всеми: родными, Родиной, местными и районными властями... А ведь наверняка мечтала жить в богатой России, которую любила всей душой и верила в её светлый завтрашний день.

- Пятнадцать лет пахала, боронила, сеяла, - будто очнувшись, задумчиво продолжила Матрёна Ниловна. – Работать в сезон посевной и уборки нередко приходилось и по ночам. Только усталость старались не замечать. Молодость справлялась с ней. Бывало, что спали прямо в поле. Вздремнём часок – другой и опять за работу...

Попрощавшись со старушкой, Людмила вышла на крыльцо и полной грудью вдохнула свежий воздух, прошла по заросшей густой травой тропинке и, выйдя за скрипучую калитку, ещё раз оглянулась на ветхую избушку и полуразвалившиеся сгнившие постройки. Чувство жалости и обиды за судьбу старой труженицы не покидало её. Всю дорогу до редакции она молчала, «переваривая» увиденное и услышанное.

- Что ты, Людмила, будто в воду опущенная? – искоса глянув на неё, произнёс водитель Алексей Николаевич.

- Не знаю. Что – то тяжело на душе, – тихо ответила она. – Должно быть, жара эта навалилась...

Лето как всегда пролетело незаметно. Сухое и жаркое оно манило на речку или в прохладу леса, где можно было укрыться от зноя, насладиться природой, набрать грибов и ягод. Людмила любила бывать в лесу. Тут она могла побыть наедине со своими мыслями. Август перевалил за вторую половину. Пора было собираться в Ромашково, где ждали её привычные заботы и хлопоты. Предстояла встреча с новыми ребятами. Весной она выпустила в жизнь свою первую группу, которую вела два года. Девчонки плакали, расставаясь с полюбившейся им «классручкой», обещали звонить и писать. От некоторых действительно пришли первые письма, где они сообщали, что определились на работу, что скучают по посёлку, по училищу и по ней, приглашали в гости. Она улыбалась, читая эти добрые весточки. И радовалась, что вот так и она оставила в чьей – то судьбе заметный след. Начала нового учебного года она ждала с предвкушением реализации новых планов и творческих задумок. Ещё перед отпуском, составляя учебный план на предстоящий год, она разработала новую для себя методику изучения нового материала, форму его подачи не традиционным путём изучения произведения, а подготовку сообщений ребятами, просмотра кинокадров и инсценировки коротких ключевых сцен, подготовленных студентами на дополнительных занятиях. Таких, как «Первый бал Наташи Ростовской», «Ночь в Отрадном», «Небо Аустерлица» по роману Л.Н. Толстого «Война и мир»; «Раздумья Раскольникова» из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание, где героев дополняла звукозапись их мыслей и чувств. Такие моменты можно умело найти и

вычленив в сюжетах А.П. Чехова «Вишнёвый сад», И.С. Тургенева «Отцы и дети» и в каждом другом программном произведении. А в качестве закрепления материала запланировала составление мини – ребусов, небольших кроссвордов, проведение викторин и игровых конкурсов. Такие творческие моменты по её расчётам позволяли ребятам глубже изучить произведения классиков, вызвать интерес к современному литературному наследию.

Кроме того она мечтала организовать работу «Клуба любителей поэзии», где наряду с творчеством любимых мастеров стихосложения планировала и самим получить азы этого мастерства, попробовать свои силы в поисках лирической музыки.

Заместитель директора по учебной работе Людмила Васильевна Васина («Вась – Вась», как звали её коллеги, а это почему – то напоминало Людмиле «Гор – Гор») ознакомившись с планом молодого педагога, удивлённо заметила: «Необычный план Людмила Степановна! Интересный! Только вот справишься ли с такой формой построения уроков?

- Справлюсь! – уверила Людмила.

- Ну что ж попробуй, новатор наш! – улыбнулась Вась – Вась, возвращая план.

В последние дни августа Людмила уехала в Ромашково. Предстояло подготовить плакаты, наглядные пособия, праздничное выступление, оформление класса к первому учебному дню и приступить к реализации задуманного.

Андрей встретил её у прибывшего автобуса с букетом пушистых астр, коробкой с тортом и они сразу же отправились в её комнату в центре посёлка – пить чай. Всё было просто и естественно. Чаепитие удалось. Андрей с удовольствием слушал её восторженные рассуждения и даже вызвался помочь в подготовке: сделать рамки к наглядным пособиям, подобрать музыку к торжественному проведению праздника и оформить класс.

Через два года Андрей и Людмила поженились. Свадьба была скромной и немногочисленной: родные, друзья коллеги. Училище выделило молодым квартиру недалеко от места работы. Подряд родились девчонки Лена и Люба. А ещё через два года переехали Завьяловы в райцентр. И в Светлогорске всё складывалось хорошо: семья, работа, решение квартирного вопроса. Пожалуй, самым тёмным пятном в судьбе тех лет стала перестройка. А потом тяжёлые девяностые. Эту пору Людмила и теперь вспоминала с содроганием души: финансовые трудности, связанные с невыплатой зарплаты, пустые магазинные полки, очереди за ставшими дефицитом товарами первой необходимости, рост безработицы... Всё это тяжким бременем ложилось на людей, выбивало из жизненной колеи, лишало уверенности в завтрашнем дне. Почти три года Андрею пришлось периодически уезжать на заработки в северные регионы. Людмила терпеливо тянула и дом, и хозяйство, и детей. Помогала сестра Шура. Но ведь и у неё была семья. Приходилось не легче. Деньги, привезённые Андреем с вахты, расходились быстро на самое необходимое, на сборы детей в школу, на одежду, обувь, питание.

Часто в минуты отчаяния Людмила шла на погост, где были похоронены родители, плакала на могиле матери, рассказывала о выпавших испытаниях. Потом, вернувшись домой, принималась за привычные семейные дела.

Особенно ярко из тех девяностых врезался в её память, кажется пустячный случай. Как – то в зимний день девчонки вернулись из школы. Была суббота и Людмила находилась на выходном. Усадив дочек за кухонный стол, поставила тарелки с обедом. И вдруг младшенькая – Любаша – сорвалась с места и бегом убежала в комнату, что – то достала из портфеля. Вернулась с одной карамелькой в синем фантике.

- Мама, раздели нам с Леной конфетку, - попросила она, сунув Людмиле маленькую сладость. – Это у Тани Рюминой сегодня день рождения и она всем по конфетке дала. Я принесла домой... Подумала, что Лена ведь тоже хочет... Конфетка вкусная... Зина

Ладкина ела, так она очень вкусно пахла... Раздели нам с Леной, мама...

Людмила взяла карамельку в синем фантике и прочитала на обёртке: «Слива». На глаза навернулись слёзы, и комок подступил к горлу. «Господи... Да что ж это творится? – отчаянно билась мысль, - слыханное ли дело резать карамельку пополам?»

Она бережно разделила её и положила перед девочками две равные дольки... А потом, покормив детей и убрав посуду, ушла в ванную и там неслышно плакала от безысходности и обиды.

На другой день отправилась в больницу на станцию переливания крови. Там за донорскую сдачу её давали пачку печенья и небольшой кулёчек с карамельками или дешёвыми конфетками. И это был выход, чтобы побаловать детей сладостями. Такие периодические походы на длительное время стали для неё закономерностью.

И только работа являлась для неё отдушиной. Она ездила в творческие командировки, собирала материал, готовила интервью, репортажи, очерки. Общение с людьми помогало ей снимать напряжение, а подготовка материалов отвлекала от проблем и трудностей. Нередко по ночам писала зарисовки о тружениках сёл, где побывала, старалась вложить в них весь свой творческий потенциал.

В один из последних дней октября выпал снег. Мокрый и тяжёлый он укрыл землю, лёг на золотой ковёр осенних листьев, пожухлые цветы, серые крыши домов, облепил провода, развесистые лапы елей. Злой и холодный северный ветер пробирал насквозь. Казалось, зима взяла свой бешеный разбег и не на шутку разбушевалась.

К вечеру стало чуть спокойнее. Андрей повесил за окном на дереве кормушку для птиц. Серые воробьи, желтогрудые синицы стаяй устремились к ней, толкаясь, клевали семечки. Людмила любила наблюдать из окна за оживлённым гомоном. Вот и сегодня она смотрела на птиц и вспоминала, как много лет назад вместе с Андреем кормили пернатых их девочки. С радостью и восторгом они ждали дня, когда слетятся птички в домик – кормушку на угощение. С первым снегопадом Леночка и Любашка наперебой кричали: «Папа! Папа! Там птички в столовую прилетели! Пойдём их кормить! Они такие голодные!» и Андрей шёл весить кормушку. Птицы рассаживались на развесистое вишнёвое дерево и терпеливо ждали, когда можно будет приступить к трапезе. К кормушке прилетали шустрые воробьи, синички в жёлтых блузочках с чёрными галстучками, красногрудые снегири. А иногда навевались жадные галки, длинноносые вороны. Даже белобокие сороки не брезговали маленьким уютным домиком, где можно было полакомиться. В такие минуты шустрая мелочь стаяй снималась с кормушки и, усевшись на вишнёвом кусту, ждала очереди. Только снегири не боялись крупных сородичей и садились на краешек «столовой».

Сегодня птиц пока не было. Они, вероятно, попрятались от порывистого ветра и переждали непогоду. Андрей, насыпав семечки, спешно направился домой.

- Ой, какая холодрыга! – весело бросил он, закрыв за собой дверь. – Ветер просто адский! Не хочется на улицу выходить.

- Ну что ж будем к зимней стуже готовиться, - заключила Людмила.

Они, не сговариваясь, прошли на кухню и, уютненько устроившись за столом, приступили к чаепитию с яблочным пирогом, что с утра испекла Людмила.

Вот уже много лет они жили вдвоём. У каждой из девочек была своя семья, крыша над головой, стабильная работа. Андрей и Людмила отметили сапфировую свадьбу. Время приближало золотой юбилей. С радостью помогали растить внуков. Жизнь текла своим чередом. Каждый прожитый день приносил новые надежды и ожидания. И как прежде на смену летней жаре приходила золотая осень, белая зима, а в мае цвела сирень.